

П.КОРНЕВ

МОСКВА
ТОМ 1

Резонанс

Павел Корнев
Москит. Том 1

«Автор»

2022

Корнев П. Н.

Москит. Том 1 / П. Н. Корнев — «Автор», 2022 — (Резонанс)

Тебе скоро исполнится девятнадцать, уже перешёл на второй курс и есть любимая девушка, уверенно развиваешь сверхспособности и не за горами продвижение по службе. А ещё — лето! Самое время немного расслабиться и перевести дух. Ну действительно — теперь-то уже что может пойти не так? Всё. Решительно всё. До дня рождения ещё нужно дожить, новый учебный год может начаться для всех кроме тебя, а отношения способны зайти в тупик без всяких к тому предпосылок. И даже пика витка не достичь без изнурительных процедур и многочисленных обследований. А ещё всегда готовы подкинуть проблем кураторы — слишком уж много тянется за тобой всякого, чтобы всерьёз уповать на спокойную жизнь. Только не в год, когда дело полным ходом движется к войне...

© Корнев П. Н., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть первая: Девиация	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Павел Корнев

Москит. Том 1

Часть первая: Девиация

Глава 1

Глухая железная дверь, за ней длинный коридор с редкими тусклыми электролампочками под потолком, дальше – решётка. Только подошёл к ней, и сразу щёлкнул замок. В тесной комнатухе дежурили два вахтёра с шоковыми дубинками, оба – операторы.

Я предъявил служебное удостоверение, получил ключ с биркой, макнул стальное перо в чернильницу и расписался в журнале регистрации, отправился в раздевалку.

Внутри шкафчика за номером тринадцать обнаружили аккуратно свёрнутая спецодежда, пустая полочка и три крючка на боковой стенке, на один из которых были нацеплены деревянные плечики – небольшое преимущество начальника караула.

Я убрал на свободный крючок кепку, выложил на полочку ключи, бумажник и выкидной нож, после отщёлкнул карабин цепочки карманных часов, убрал их туда же. Разулся и поставил внутрь парусиновые туфли, сложил по стрелкам и повесил на перекладину плечиков брюки. Сверху устроил рубашку с коротким рукавом. На смену повседневной одежде пришли рубаха из плотной ткани и синий рабочий комбинезон, кеды и кепи.

После я взглянул на висевшие над дверью часы и покинул раздевалку через вторую дверь. За ней – длинный полутёмный коридор и очередная караулка с вахтёрами. Дежурный отметил в журнале время, я поставил очередную подпись, навалился на глухую металлическую дверь, с натугой распахнул её и шагнул в отстойник.

Именовался так отнюдь не только лишь огороженный со всех сторон высоченными стенами двор с плацем и навесами, а вся территория подготовительного факультета республиканского института исследования феномена сверхэнергии. Официально это обособленное учебное подразделение числилось интернатом закрытого типа, но отстойник – он отстойник и есть.

Именно сюда помещались все прошедшие инициацию в Эпицентре соискатели, коим повезло уложиться в стандарты РИИФС. Кто-то почти сразу переводился в студенческие общежития, кто-то задерживался тут на семестр или даже на весь первый курс. Не обходилось и без отсеянных по причине асоциального поведения или проблем с психикой, этих преимущественно отправляли в инженерный дивизион ОНКОР – прокладывать просеки и расчищать обочины дорог. Поговаривали и об отстойнике внутри отстойника, где содержались до полной потери сверхспособностей серьёзно проштрафившиеся студенты, не достигшие в своём развитии пика румба, но меня на дежурство туда не ставили; ни подтвердить эти слухи, ни опровергнуть их не мог.

До начала смены оставалось ещё четверть часа, но лавочки под навесом не пустовали. Я прошёлся, пожимая руки шапочно знакомым коллегам, огляделся и не заметил никого из своих подчинённых, один только Матвей Пахота размеренно подтягивался на турнике.

Формально причиной его временного перевода из штурмового взвода комендатуры послужила необходимость усилить наше звено, но, как пояснил сам здоровяк, таким образом его намеревались натаскать на работу с людьми.

– Какая-то блажь Дичку в голову взбрела! – пожаловался мне тогда Матвей. – Что значит, с людьми работать не умею? Чего там уметь-то? Зашёл на адрес, всех мордой в пол уложил, вот и вся работа! А тут никого и пальцем тронуть нельзя! Ерунда какая-то!

Я участливо покивал в тот раз, прекрасно понимая, что громила попросту выпускает пар. Нашему куратору с военной кафедры института – Василию Архиповичу Дичку куда больше подошла бы фамилия Бычок, очень уж мощным сложением он отличался, да и силушкой обижен не был. Матвей, такое впечатление, его слегка побаивался. Его да ещё своего наставника по рукопашному бою. Взводного и того он скорее просто уважал.

– Жарко будет, – заявил Пахота, приложил ко лбу ладонь и глянул в пронзительно-синее небо, где выписывал фигуры высшего пилотажа аэроплан какой-то новой конструкции. – Ни облачка!

– Август же! – хмыкнул я, подпрыгнул, ухватился за перекладину и в быстром темпе подтянулся два десятка раз.

Матвей тяжело вздохнул, вытер лицо и шею, отошёл к брусам, а там и моё звено подтянулось. Карла, Яна и жилистого боксёра Костю сюда направили от военной кафедры для прохождения летней практики, и это задание студентов отнюдь не воодушевило. Одно дело территорию кампуса патрулировать, где все друг друга знают, и совсем другое – за вчерашними соискателями приглядывать. Тут никогда наперёд не скажешь, что эти оболтусы отчебучат из хулиганских побуждений или просто по недомыслию.

– Пьер! – поприветствовал меня Карл, который на фоне Матвея больше не казался таким уж здоровяком. – В курсе, куда нас сегодня поставят?

– Не-а, – покачал я головой. – Распределения ещё не было.

Мои слова никого особо не порадовали, разве что Костя фыркнул:

– Да какая разница? К девчонкам всё равно не отправят!

– Нельзя мне к девчонкам, – заявил в ответ Карл и широко зевнул. – Мэри узнает – всю душу вынет.

– Подкаблучник! – насмешливо фыркнул Ян. – И ты, Костя, неправ! Разница, куда направят, есть и большая: одно дело в учебном корпусе дежурить, где тишина и спокойствие, и совсем другое на спортивной площадке драки разнимать. На таком-то солнцепёке! Да и городские поспокойней деревенских. Петь, просись в блок с городскими, если выбор будет.

– Тут как повезёт, – покачал головой Костя. – Среди городских всякие попадают.

– В городах благонадёжность соискателей нормально проверяют. Если проблемы с законом имелись, отсеивают. А в деревнях гребут всех подряд. Там только рады от своего хулиганья избавиться, а дальше хоть трава не расти.

– Не бухти, Жан! – отмахнулся от приятеля Карл и спросил: – Пьер, ты на тренировку по сверхболу идёшь?

Я пожал плечами.

– Не знаю ещё. Как получится. Меня сегодня на пик витка выводить будут.

– О, поздравляю!

– Да не с чем пока.

– Брось! Осложнения всегда на первом этапе проявляются. После экватора всё как по маслу идёт.

Я вздохнул. Не знаю, как другим, а мне по мере приближения к пику витка далеко не каждую неделю удавалось нарастить длительность резонанса на жалкую, вроде бы, секунду. Пришлось даже курс продлить и на более мощные препараты перейти. Ладно хоть рассрочку на всё время обучения в институте растянули. Ну да – теперь я не вольный слушатель, а полноценный студент. Пусть и к военной кафедре приписан целевиком, будто крепостной, но всё же, всё же...

Появился дежурный, и начальники караулов поспешили к нему на инструктаж и за назначениями.

– Линь? – прозвучало под конец. – Столовая блока эм-гэ-семь-пять. Следующий!

Я махнул рукой подчинённым и двинулся к входу на территорию отстойника.

Карл первым нагнал меня и спросил:

– Ну и?

– В блок к городским, всё как ты хотел.

Озвученная дежурным буквенно-цифровая абракадабра расшифровывалась предельно просто: нас отрядили в столовую блока, где проживали горожане мужского пола с полным пятилетним образованием, прошедшие инициацию на седьмом витке.

Ян показал мне большой палец, и Матвей предупредил студентов:

– Не расслабляйтесь.

Карл снял с головы шляпу и принялся обмахивать ею покрасневшее лицо.

– Брось, Мэтью! – фыркнул он, не приняв это предупреждение всерьёз.

– Не расслабляйтесь, – повторил громила, после добавил: – И зови меня – Матвей.

Студент вновь фыркнул, а вот я с бывшим сослуживцем был всецело согласен. Операторов, отучившихся полный семилетний курс или тем паче получивших гимназическое образование, давно расселили по общежитиям, да и закончивших пять классов абитуриентов в отстойнике оставалось не так уж и много. Значит, наш сегодняшний контингент в той или иной степени проблемный. Ну или как минимум – сомнительный; сто к одному, проштрафившихся операторов из разных групп собрали. Прав Матвей: расслабляться не стоит.

Впрочем, и особых причин для беспокойства я покуда тоже не видел. Проблемные – не проблемные, разберёмся. Опять же в отстойнике лишь на первый взгляд всё примитивно, как рельс, устроено, на деле абитуриентов опекали сразу по нескольким направлениям. К примеру, земляков неизменно раскидывали по разным корпусам, с самых первых дней обучения заставляя принять тот простой факт, что теперь для них весь мир делится на тех, кто обладает способностью управлять сверхэнергией, и всех прочих.

Мы прошли мимо футбольного поля, на котором, несмотря на ранний час, уже гоняли мяч два десятка парней, и двинулись по центральному проезду, ориентируясь на указатели. Навстречу протопала колонна шагавших не в ногу абитуриентов, растрёпанных и заспанных. Дальше попались навесы, под ними на уложенных рядками циновках медитировали три десятка начинающих операторов.

Созерцательным практикам в институте уделялось несравненно больше внимания, нежели на курсах в комендатуре или в среднем специальном энергетическом училище, но только лишь ими обучение в отстойнике конечно же не ограничивалось. Вот и сейчас я прекрасно ощущал доносившиеся со стороны здешнего полигона всполохи сверхэнергетических помех.

Территория нужного блока была огорожена не столь уж высоким забором, комендант направил нас в распоряжение дежурного по столовой, но перед тем уточнил:

– На связи от вас кто?

Ян поднял руку и прикоснулся двумя пальцами к виску, на миг зажмурился и отрапортовал:

– Связь установлена!

Удержаться от завистливого вздоха удалось с превеликим трудом: сам-то на такие штучки был неспособен категорически. И просто связаться с другим оператором не мог, а уж подсознательно контролировать ментальный канал и подавно. Впрочем, остальные в этом плане от меня недалеко ушли, и даже Ян всякий раз после дежурства жаловался на головную боль. Хорошего мало, зато, если аналитики уловят связанные с применением сверхспособностей энергетические возмущения в нашей зоне ответственности, узнаем об этом тотчас, без малейшего промедления. Это в обычной ситуации я и без всяких аналитиков помехи не пропущу, а здесь начинающих операторов, которые толком свои новые способности ещё не осознают даже, как селёдок в бочку набили, тут от энергетических искажений не только мигрень заработать можно, но и что похуже.

Именно поэтому сразу после разговора с дежурным по столовой я занялся тонкой настройкой заземления. Мой внутренний потенциал был набран в противофазе, что до предела повышало чувствительность, пришлось дополнительно отгораживаться от энергетического фона и выискивать баланс, при котором я продолжал ощущать создаваемые сверхсилой помехи, но едва-едва, дабы ясновидение не ошкуривало нервную систему почище наждачной бумаги.

Если уж на то пошло, я бы предпочёл дежурству в столовой наряд на спортивную площадку. Там то густо, то пусто – получилось бы и дух перевести, и на снарядах позаниматься, а здесь операторы сплошным потоком идут, в туалет сбегать и то проблема. Приём пищи у всех групп по времени разнесён, у одних поздний завтрак заканчивается, у других уже обед начинается.

Карла и Матвея я поставил контролировать раздачу, где с завидной регулярностью вспыхивали ссоры из-за мест в очереди, Яна отправил дежурить на входе. Он в случае необходимости должен был подстраховать у рукомойников Костю – там тоже частенько стычки случались. Ну а сам начал фланировать по залу. Был тот неизменно набит под завязку, но времени на приём пищи операторам давали в обрез, преимущественно обходилось без ссор.

Изредка кто-нибудь что-нибудь ронял, но посуда была сплошь из нержавейки, собирать осколки не возникало нужды. Единственными приборами из стекла были солонки, вот одна такая и скакнула с пустого стола, когда проходил мимо, и не упала на пол, а полетела точненько мне в затылок.

Откалиброванное в начале дежурства ясновидение резануло голову зигзагом незримой молнии – очень уж неряшливо сработал хулиган, слишком много помех породил преобразованием сверхсилы в кинетическую энергию. Солонки я не увидел, просто осознал случившееся в окружающей обстановке изменение и совершенно машинально нейтрализовал импульс метательного снаряда, потратив на это малую долю своего потенциала.

Стеклянная посуда с никелированной крышкой ухнула вниз, и вновь я погасил её скорость, а заодно вывел из-под действия силы тяжести, заставив зависнуть в десяти сантиметрах от пола. Развернулся, и солонка сама собой прыгнула в раскрытую ладонь. Это воздействие далось куда сложнее предыдущих, но не сплеховал, произвёл впечатление на зрителей. А смотрели на меня сейчас решительно все собравшиеся в столовой операторы, даже о еде забыли. Раньше бы подобному вниманию смутился, ну а теперь просто к сведению принял. Дело житейское.

Я вытянул руку и поставил солонку на ближайший стол, огляделся. От раздачи уже спешил Матвей, а вот обедавшие в дальнем углу наставники вмешиваться не торопились, отдав ситуацию мне на откуп. Медлить я не стал, на миг сосредоточился и восстановил порождённый ясновидением росчерк, после двинулся по проходу, чтобы почти сразу остановиться перед веснушчатым пареньком, следившим за моим приближением с разинутым ртом.

– Твоя работа? – поинтересовался я у него.

Тот отчаянно замотал головой, но тут же взял себя в руки, глянул на товарищей и объявил:

– Она сама полетела! Все видели!

– Сама? – Мысль эта мне понравилась, и я будто невзначай опёрся обеими руками на край стола. – Возможно. Само по себе чего только не случается!

При физическом контакте у меня получалось дозировать расход энергии вплоть до сотых долей сверхджоуля, а охлаждение предметов и вовсе давалось несравненно легче нагрева, так что я не побоялся переборщить и лёгким усилием воли заморозил компот, остатки солянки в тарелках и нетронутые макароны по-флотски у соседей веснушчатого балбеса.

– Вы только гляньте! – объявил я после этого во всеуслышание. – И снова! Чудны дела твои, господи!

Лица сидевших за столом парней так и вытянулись, а я ещё и попросил Матвея присмотреть за ними, прежде чем отошёл к столу наставников. Там выяснил имя хулигана, заодно справился и насчёт его товарищей. Записывать что-либо не возникло нужды: всё же с техникой «Дворца памяти» у меня наблюдались заметные подвижки. Не забуду никого совершенно точно.

К концу дежурства я самым натуральным образом упрел и ощущал себя варёным овощем, до того вымотался. Хотелось сейчас лишь одного: засесть в каком-нибудь питейном заведении, полупустом и тихом в силу летних каникул, пропустить там пару кружек холодного пива, светлого и чуть горьковатого, освежающего.

Карл именно это и предложил, но, увы-увы, меня ждали на военной кафедре. Да и вообще...

– Говорю же: на пик витка сегодня выводить будут! – напомнил я. – Какое мне пиво?

Здоровяк снял соломенную шляпу и протёр бритую наголо макушку носовым платком.

– Пьер, на такой жаре кружка пива за полчаса выходит! Научный факт!

– Не, – мотнул я головой. – И без того какой-нибудь гадостью накормят, не стоит лишнюю нагрузку на почки и печень давать.

– Вот ты скучный! – фыркнул Ян. – Да пошли! Один раз живём!

– Мне в любом случае ещё отчёт писать, – отмахнулся я и спросил: – Матвей, ты же на военную кафедру сейчас?

– Ага.

Я попрощался со студентами, пообещав вырваться на вечернюю тренировку, и на пару с бывшим сослуживцем потопал по территории студенческого городка. Солнце жарило просто немилосердно, рубашка на спине вмиг промокла от пота, а лёгкий ветерок облегчения не приносил, скорее уж наоборот. Мало того что воздух гнал сухой и горячий, так ещё от песка приходилось отплёвываться.

Восстановление сгоревших в ходе недавних событий учебных корпусов шло полным ходом, а какая стройка без пыли?

Пока шли, повстречали два патруля студенческой дружины, да и при входе на военную кафедру теперь дежурил не одинокий старшекурсник с красной нарукавной повязкой, а трое аспирантов в полной боевой выкладке – у всех помимо оружия при себе имелись ещё и подсумки с противогазами. К обеспечению безопасности стали относиться куда серьёзней прежнего: пусть караульные нас и знали, всё же потребовали предъявить служебные удостоверения, тогда только разрешили пройти внутрь.

Матвей сразу отправился на встречу с куратором, я же занял один из свободных столов, наскоро набросал докладную о сегодняшнем инциденте и только после этого заглянул к уже освободившемуся Василию Архиповичу.

– Разрешите?

– Заходи-заходи! – улыбнулся мужчина средних лет, сложением больше походивший не на институтского преподавателя, а на тяжелоатлета или борца; воротник сорочки на его бычьей шее попросту не сходил. – Ну, рассказывай, что ты там за представление устроил.

Я опустил на стул для посетителей и выложил на стол докладную.

– Сообщили уже?

– А то как же! – усмехнулся Василий Архипович и развернул к себе принесённый мной листок. – Солидарная ответственность, значит? – уточнил он пару минут спустя.

– Так точно! – подтвердил я. – Записью в личном деле никого не напугать, они там все уникальные и неповторимые, а вот без обеда остаться – это серьёзно. Теперь десять раз подумают, стоит ли со сверхспособностями хулиганить.

– Приемлемо, – буркнул хозяин кабинета, – но давай на будущее без самостоятельности. По протоколу действуй, хорошо?

– Как скажете.

Василий Архипович смерил меня пристальным взглядом, откинулся на спинку кресла и хрустнул костяшками пальцев.

– Ну что – готов на начальника караула экзамен сдавать?

– Всегда готов, – ответил я девизом скаутов и сразу поправился: – Если только не завтра. На завтра планы.

– Воскресенье – это святое, – успокоил меня собеседник. – В понедельник на дежурство тебя ставить не будут, подходи сюда к восьми.

– А что сдавать-то? – озадачился я, поскольку ни о какой аттестации до сего дня и речи не шло. – Не готовился даже...

– И не надо. Физическую подготовку и практику тебе уже зачли, общая часть точно проблем не вызовет, а спецдисциплины и без всяких экзаменов должны от зубов отскакивать. Поблажек не дам, и не надейся.

– Кто бы сомневался. – Я с тяжким вздохом поднялся со стула и уточнил: – Свободен?

– Да, иди.

Я покинул кабинет, спустился на первый этаж и столкнулся там с Вениамином Мельником.

– О, Петя! – протянул мне руку аспирант, пиджак которого отмечала розетка солдатского креста. – Завтра ждём тебя в клубе, приходи в обязательном порядке.

– Завтра? – Я покачал головой. – Не, другие планы на день.

– Приходи-приходи! – повторил Вениамин. – И Лию приводи. Вы же на танцы вечером собрались? Вот перед ними и зайдёте на собрание.

– Всё-то ты знаешь, – усмехнулся я.

– Инга рассказала.

– Ладно, придём, – пообещал я, попрощался с аспирантом и двинулся на выход.

Если начистоту, идти на заседание актива военной кафедры несколько не хотелось. И дело было вовсе не в какой-то там обиде из-за того, что вместо солдатского креста меня наградили медалью «За храбрость» – ничего не напишешь, как лицу гражданскому на большее рассчитывать не приходилось, – просто... Ну лето же на дворе! Лето! Какой интерес, скажите на милость, в душном помещении заседать?

Но деваться некуда, придётся идти. Обязательства, так их разэдак!

Покинув корпус, я, к своему немалому удивлению, наткнулся на Матвея. Тот поджидал меня, сидя на лавочке.

– По кружке пива? – предложил громила.

– Не, – мотнул я головой. – Процедуры.

– Тогда квас пей. А я – по пиву. Жарко!

Этим своим категоричным заявлением Матвей меня изрядно удивил, но я в любом случае собирался идти обедать, так что от вопросов воздержался и кивнул.

– Лады.

У нас у обоих имелись талоны на питание, вот и пошли в студенческую столовую, благо в летние каникулы там обходилось без привычных для учебного года очередей. Мой товарищ заставил поднос тарелками, я же позволить себе набить желудок попросту не мог и ограничился перловкой с подливой, паровой котлетой и стаканом компота.

– То-то, смотрю, ты снова с лица спал! – не преминул отметить Матвей. – Так совсем похудеешь скоро.

– Ты чего сочиняешь? – возмутился я. – Пять пудов на последнем взвешивании было! Меня родные на снимках узнавать перестали! Лицо в фотокарточку не помещается!

- Скажешь тоже!
- Да серьезно!
- И ты вот этим наешься?

Я вздохнул.

– Нет, конечно. Но меня наверняка после процедур вывернет, так какой смысл продукты переводить?

– Делать тебе нечего, – покачал головой Матвей. – Дошёл бы до пика румба, как все нормальные люди, так нет же – выше головы прыгнуть решил. И на кой?

- Я – перфекционист.
- Кто?!
- Хочу выжать из ситуации всё возможное.
- Смотри, как бы пупок не развязался.
- Типун тебе на язык!

Так вот и пообедали, а после заглянули в буфет. Матвей попросил налить пару кружек пива, я взял себе кваса.

– Какие новости? – поинтересовался после этого у товарища, охладив наши напитки до оптимальной температуры.

– Момент! – Тот выставил перед собой указательный палец, взял кружку и в один присест её осушил, после шумно выдохнул и вытер губы тыльной стороной ладони. – Хорошо!

Я отхлебнул кваса и кивнул.

– Неплохо, да.

– Мы с Варькой пожениться решили, – сообщил Матвей. – Распишемся в конце месяца.

– Ну ничего себе! – поразился я. – Вот вы даёте!

– А чего резину тянуть? – пожал плечами здоровяк. – Взводный обещал комнату выделить в общежитии, а как ребёнок родится, в коммуналку переедем. Через годик и отдельную квартиру выьем, думаю.

Я уставился на товарища во все глаза.

– Подожди-подожди! Так Варька в положении?!

Матвей кивнул.

– Ну так!

– Вот вы быстрые!

Здоровяк приложился ко второй кружке и заявил:

– Много гостей собирать не будем, но ты обязательно приходи. Уже ближе к делу с местом и временем определимся.

Я поскрёб затылок и пообещал:

- Приду. Только я не один.
- О чём речь! Девчонку свою тоже приводи. Сами-то жениться ещё не собираетесь?
- Даже как-то не думал об этом, – признался я.
- И зря. – Матвей допил пиво и хлопнуло меня по плечу. – Ладно, побегу!

Я тоже задерживаться в буфете не стал. Достал карманные часы, глянул на циферблат и поспешил в первую лабораторию. У соседнего корпуса навстречу попала шумная компания студентов, у многих, помимо традиционных значков с символикой РИИФС и цифровым обозначением номеров витков и румбов, на рубашках алели ещё и стилизованные изображения костра. Такими памятными знаками ректорат отметил тех, кто отличился при отражении нападения на студгородок или принимал участие в тушении пожаров и оказании первой помощи раненым.

На входе в лабораторный корпус не обошлось без проверки документов, ещё и в списке посетителей мою фамилию выискивали, прежде чем пропустить, будто не каждый день сюда наведываюсь. На подземном уровне вооружённую до зубов охрану и вовсе усилили оператором

из аналитического дивизиона ОНКОР. Там я, не дожидаясь особого распоряжения, выложил в деревянный ящичек выкидной нож и не удержался от досадливой гримасы, когда ворохом колючих помех пробежалось по коже сверхэнергетическое воздействие.

Не иначе стажёра поставили опыта набираться, очень уж неряшливо сработал. А ещё высшее образование у человека, поди...

Но делать замечаний оператору я не стал, прошёл в лабораторию и двинулся прямым в раздевалку. Завернулся там в простыню, всунул ноги в шлёпанцы и знакомой дорогой отправился в процедурный кабинет. По мере приближения к пику витка травяные сборы, парилки и массаж в значительной степени утратили свою эффективность, продвинуть меня к верхней суперпозиции они не могли, вот и пришёл черёд передовой медицинской химии.

Я понятия не имел, какие мне назначили препараты, только назвался, и медсестра сверилась со списком, вручила две пилюли и стаканчик воды, после велела располагаться на кушетке. Вот на этой кушетке следующие десять минут и пролежал под капельницей.

Мало-помалу мир сделался чётким и ясным, показалось даже, что при желании легко смогу прикоснуться к растворённой в пространстве сверхэнергии; просто возьму и дотронусь до неё пальцами. Иллюзия, конечно, но забавная. И ещё в голове тихо-тихо начала отдаваться пульсация Эпицентра. Какая бы химия сейчас ни текла по моим венам, чувствительность она подняла самым решительным образом, пришлось даже задействовать алхимическую печь и полностью сжечь весь внутренний потенциал. Иначе никакое заземление не помогло бы отрешиться от сверхэнергетических возмущений, порождаемых другими операторами.

Когда из руки выдернули иглу и наложили повязку, я на пробу уселся на кушетке, но никакого дискомфорта не испытал, тогда спокойно поднялся на ноги. Кинул взгляд на настенные часы и двинулся на поиски Леопольда. Тот отыскался в комнатухе, которую делил с тремя другими аспирантами, при моём появлении сразу поднялся из-за стола и уточнил:

– Готов?

– Да, уже прокапался, – указал я на повязку.

– Тогда идём.

Прежде мне доводилось бывать лишь на двух нижних ярусах, сегодня спустились ещё ниже. Ничего особенно примечательного там не обнаружилось – помещение и помещение, круглое в основании и с куполообразным потолком. Когда вышел в его центр, будто посреди арены шапито очутился. Стены оказались облицованы знакомыми уже соляными блоками, под ногами белели они же. Всего оборудования – циновка. Даже освещения не было, лишь из коридора вырывались отсветы ламп.

– Держи!

Леопольд протянул мне мензурку с опостылевшими за последнее время студнеобразными грибами; я выдохнул, задержал дыхание и влил в себя мерзкую белую жижу. В живот будто дроблёный лёд скользнул, горло перехватило, даже закашлялся.

– Ух! – выдохнул я, отплёвываясь. – Раньше так не цепляло!

– Раньше тебе финальную секунду нарастить не нужно было, – заявил лаборант, забрал пустую склянку и предупредил: – Как будешь готов, входи в резонанс. Можешь не торопиться, подготовься нормально.

Подготовься? Да как вообще можно подготовиться к шквалу энергии, интенсивность которого станет расти в геометрической прогрессии от сорока четырёх тысяч сверхджоулей на первой секунде до трёх миллионов на финальной восьмьдесят третьей? Вот как, а?!

Я раздражённо мотнул головой, и окружающая реальность отреагировала на это движение с заметным опозданием – явно стали подводить органы чувств, а то и нервная система. Пришлось опуститься на циновку и погрузиться в медитацию, попытаться отыскать состояние равновесия, найти баланс между дарованной препаратами чувствительностью к сверхэнергетическим проявлениям и вызванной приёмом грибов восприимчивостью к ним же.

Сейчас я был способен работать с расширенным диапазоном сверхсилы и мог пропускать через себя более интенсивные потоки энергии, но это обстоятельство не только усиливало возможности, но и заметно усложняло удержание их под контролем. Пусть ничего принципиально нового делать и не требовалось, вот только...

Тут я взял себя в руки и задавил сомнения в зародыше, выровнял дыхание, мягким усилием воли погрузил сознание в поверхностный транс. Отрешиться от пульсации в голове удалось далеко не сразу, но постепенно связь с Эпицентром всё же перестала отбивать ритм пульсацией-метрономом.

Когда Леопольд притворил за собой дверь, оставив меня в полнейшей темноте, я не потянул в себя сверхсилу, как проделывал обычно, чтобы после закрутить призрачным волчком, просто вдохнул и скользнул в резонанс. Помехой не стало даже отсутствие каких-либо источников освещения, сгустки призрачного сияния возникли из ниоткуда и понеслись надо мной стремительным хороводом, чтобы миг спустя замереть в эффекте стробоскопа.

Тогда-то и накрыло. В лёгких будто лопнул пузырь с ледяной водой, и я начал захлёбываться, но тут же опомнился и обуздал вышедшие из-под контроля сверхспособности, принялся разгонять энергию по организму и выравнивать внутренний потенциал. Поначалу это не вызывало никаких сложностей, но по мере увеличения пропускной способности входящего канала, меня стало потряхивать, пальцы задрожали, начали посверкивать в темноте голубые искорки электрических разрядов.

Но это ерунда, дело привычное. Всего ничего продержаться остаётся...

Подумал так – и в тот же миг отодвинувшиеся куда-то на задний план, но окончательно не пропавшие огни вдруг потеряли неподвижность, сорвались с места и стремительно крутанулись, только теперь уже не вокруг меня. Я перестал быть центром мироздания, осью вселенной, сместился куда-то на периферию, и центробежная сила толкнула – плавно, только не сказать, что совсем уж мягко. Так и покатился кубарем!

В стену не врезался, распластался на полу в шаге от неё. Вбитые на тренировках рефлексы помогли сгруппироваться, и обошлось без ушибов, но внутренний потенциал колыхнулся так, что меня едва не разорвало. Удержать эту прорву энергии даже не попытался, не стал и разжигать алхимическую печь – просто побоялся не успеть, – взял и скинул большую часть сверхсилы в пространство, оставив в запасе лишь три жалких мегаджоуля.

Ха! Жалких! Для оператора девятого витка, прошедшего инициацию на тридцать втором румбе, мой текущий потенциал достигал трети от предельного выхода резонанса.

Мало? Да ничуть!

Но – недостаточно. За последнее время я поднял свой потолок до пятидесяти семи мегаджоулей и должен был довести его сейчас до шестидесяти, если б только всё не испортил...

Увы, в том, что достичь суперпозиции не вышло, я несколько не сомневался.

Что-то пошло не так. Что-то не получилось.

И Леопольд это предположение конечно же подтвердил.

– Такое случается, – попытался утешить он меня. – Всё же с тридцать второго румба тебя тянем, удивительно ещё, как раньше без осечек обходилось.

– Хочешь сказать, это обычное дело? – уточнил я, зажимая краем простыни нос, из которого потекла кровь.

– Чем больше румбов от оптимума, тем выше риск возникновения побочных эффектов. Хотя тут, конечно, всё индивидуально. Возможно, придётся твою программу пересмотреть и сосредоточиться на поддерживающей терапии.

Известие это меня несколько не порадовало, вот и уточнил с тяжёлым вздохом:

– И насколько это всё затянется?

Лаборант руками развёл.

– Заведующий отчёт только в понедельник увидит. Наверняка захочет консилиум собрать. На всё про всё точно не меньше недели уйдёт.

Я ругнулся в сердцах и отправился в раздевалку, где долго стоял в душевой кабинке под струями холодной воды. Всего так и корёжило.

Провалился! Не смог выйти на пик витка, хоть все условия к тому и были созданы. Более того – совершенно непонятно, как теперь всё дальше пойдёт. Хорошо, если это единичная осечка была, а ну как снова особенности нестандартной инициации свинью подложили? И что тогда? Обратно на тридцать второй румб скатываться?

Не хочу!

А вот чего мне сейчас хотелось, так это расслабиться, поэтому отправился в спортивный комплекс на тренировку по сверхболу. Не могу сказать, будто так уж новым видом спорта увлёкся – обратить на него внимание посоветовал Герасим Сутолока, ну и втянулся понемногу, пообещал своему наставнику-теоретику походить на тренировки хотя бы до начала учебного года.

В отличие от йоги сверхбол требовал минимума мыслительной активности и мог сравниться в этом отношении с пинг-понгом. Действие, действие и ещё раз действие. Реакция и рефлекс. То, что нужно.

Спортивную одежду я хранил в шкафчике, переоделся и вышел на площадку, где в ожидании начала тренировки разогревались Карл, Ян и Костя. Сверхъестественными воздействиями они направляли друг в друга, перехватывали на лету и запускали обратно тяжеленный каучуковый мяч, но занимались больше для виду, а попутно беззастенчиво глазели на «ведьмочек» из группы поддержки команды кафедры теории резонанса.

Симпатичные длинноногие девчонки в купальниках оседлали мётлы и то кружили друг за другом на высоте нескольких метров, то вдруг начинали выписывать какие-то замысловатые фигуры практически высшего пилотажа. Мётлы, понятное дело, были исключительно для антуража, все барышни обладали способностью к левитации. На соревнованиях они кружили над стадионом в коротких платьицах, их показательных выступлений зрители ждали ничуть не меньше, нежели, собственно, самих матчей.

С моим появлением студенты бросили валять дурака; мы быстренько расчертили на песке квадрат, вписали в него четыре поменьше, заняли каждый свой, и тогда Карл встрепенулся.

– Да, Пьер! Так тебя можно поздравить? Вышел на пик витка?

Я покачал головой.

– Не получилось.

Меньше всего сейчас мне хотелось выслушивать выражения сочувствия, но и не пришлось.

– Бывает, – пожал плечами Карл, вытер пот с макушки и спросил: – Готовы?

– Давай!

Правила игры были предельно просты: требовалось запустить мячом в чужой квадрат, так чтобы он отскочил в аут, а при попадании в собственный перенаправить его кому-нибудь другому. И всё это без задействования рук, ног и прочих частей тела, исключительно с помощью сверхспособностей, что при отсутствии интуитивных навыков телекинеза проделать было не так-то и просто.

Карл кинул мяч в центр квадрата и усилием воли отправил его Косте, тот по своему обыкновению отбил спортивный снаряд прямо в воздухе, ещё до касания песка, ну и понеслось. Втянулся я не сразу, но разыгрался, разогрелся, начал использовать кручёные подачи, которые давались необычайно легко. Я попросту придавал мячу вращение своего внутреннего волчка, и тот отскакивал от земли совершенно непредсказуемым образом, парни заработали не одно штрафное очко, пытаясь его перехватить.

Постепенно начали подходить студенты из секции, молодой тренер-аспирант поглядел на нас и предупредил:

– Доигрывайте и двигайте на поле.

Оно и неудивительно: никто из нашей четвёрки звёзд с неба не хватал, да и занимались мы только второй месяц, всё внимание наставник уделял основному составу сборной военной кафедры, которую тренировал. При желании можем весь вечер в «квадрат» резаться. Чем не тренировка?

Тут Ян в очередной раз упустил мой кручёный мяч, и тот покатился от площадки к вкопанной в землю лавочке, с которой за нами уже какое-то время наблюдала компания Северянина. Сам он сидел в обнимку с очередной подружкой, обок расположились Слава-Бугор, Панкрат-Заноза и незнакомый долговязый паренёк, на вид немногим младше остальных.

А! Этого тоже помню. Один из тех, что с Гошей-покойничком в «собачку» играл.

Северянин поставил ногу на подкатившийся к нему мяч и усмехнулся:

– Вот ведь криворукие...

– Сам такой! – огрызнулся Ян, и мяч прыгнул к нему, словно притянутый мощным магнитом кусок железа.

Северянин поднялся с лавочки и предложил:

– Зарубимся в вышибалы?

Ян обернулся и выжидающе глянул на нас.

– Или перетрусил? – хохотнул мигом очутившийся на ногах Панкрат.

– Рот закрой, мелочь пузатая! – осадил шустрого коротышку Карл и заявил: – Я не против.

Мне эта грызня была до одного места, но не поддержать приятелей никак не мог, опять же ещё толком не успокоился после фиаско в лаборатории.

– Можно и в вышибалы, – заявил я, хрустнув костяшками.

Костя ничего говорить не стал, лишь поманил наших оппонентов пальцем.

Каучуковый мяч для игры в сверхбол был весьма увесистым, получить таким со всего маху приятного было мало, вот в этом и заключался весь смысл игры. Ну а удастся при этом выбить противника за пределы площадки или же попросту выбить из него дух – значения уже не имело.

Северянину со товарищи повторного приглашения не потребовалось, мы быстро разметили поле, и Ян без промедления запустил мяч в Славу. Спортивный снаряд прогудел подобно пушечному ядру, но замер сантиметрах в тридцати от лица крепыша. Бугор развёл руки, красуясь перед товарищами, впрочем, затягивать представление не стал и почти сразу контратаковал.

Поначалу вроде бы метил в Карла, а уже над разделительной чертой мяч словно натолкнулся на незримую преграду и отскочил в меня, до предела при этом ускорившись. Среагировал я самым естественным для себя образом: поставил блок, задействовав технику закрытой руки. Удара вовсе не почувствовал, но Слава восторженно заорал:

– Есть!

Он растопырил пятерню, и Панкрат немедленно по ней хлопнул, вот этим моментом я и воспользовался, даже не попытался остановить вращение мяча, который усилием воли подвесил перед собой, и передал ему импульс – такой, что каучуковый шар немного деформировался при этом.

Свистнул воздух, коротышка задействовал сверхспособности, да только самую малость замешкался, ещё и не учёл вращение мяча, и тот отрикошетил в долговязого паренька, который ничего подобного не ожидал и едва успел пригнуться. Спортивный снаряд улетел в аут.

– Не обделался, часом? – издевательски крикнул Ян.

Стоявший во второй линии Северянин недовольно поморщился и потребовал:

– Аккуратней! Не отвлекаемся, прикрываем друг друга!

Я счёл это распоряжение пустым трёпом, но очень скоро убедился в собственной ошибке. Против нас вышла сыгранная команда, ну а мы были каждый сам по себе. Карл попытался взять на себя роль координатора, но такие моменты нарабатываются не день и не два, а ментальное взаимодействие спасти ситуацию не могло по той простой причине, что я в любом случае из общей схемы выпадал. Да и Карл с Костей в этом плане не блистали, только отвлекались бы.

Понемногу Северянин со товарищи начали доминировать даже на нашей половине площадки, и если мы с Карлом смягчали удары, задействуя технику закрытой руки, а Костю выручали навыки боксёра, то Яну пришлось лихо. Прилетало ему пару раз – будь здоров, еле на ноги поднимался.

Противник этот момент учёл и перестроил игру, избрав главной целью нашего вихрастого товарища, а когда мы начали прикрывать его, вновь изменил тактику и стал подлавливать на ошибках остальных. Ещё и зрители набежали, принялись сыпать комментариями, свистеть и смеяться невпопад.

Ну, невпопад – это для нас...

Тут-то я и поймал себя на том, что вместо душевного успокоения завожусь пуще прежнего. Остановить игру, признав поражение, никак нельзя – репутация на кону, а выиграть или хотя бы даже свести матч к ничьей шансов не было ни малейших. Единственный вариант – перейти к более привычному противостоянию.

Мысль эта показалась вполне разумной, и, когда Слава решил в очередной раз покрасоваться и, раскинув руки, вознамерился остановить пущенный с нашей стороны мяч сантиметрах в тридцати от головы, я поддался искушению и нарушил правило, которое запрещало оперировать сверхсилой в зоне противника, незаметно для остальных воздействие Бугра нейтрализовал.

Спортивный снаряд лишь самую малость замедлился, а потом раздалось столь сочное «шмяк!», что даже возникло опасение, не перестарался ли. Голова крепыша мотнулась, его повело в сторону, вот и не устоял на подкосившихся ногах и уселся задом на песок. Только этого было мало.

– Какие-то вы слишком нежные, девочки! – заявил я, подступив вплотную к разделительной черте.

Едва ли кто-то из зрителей устоял бы на ногах после подобного удара мячом по голове, но эта немудрёная острота много кого рассмешила, и долговязый приятель Северянина, разгорячённый и нервный, поддался импульсу и двинул кулаком мне в лицо.

Точнее – сделать это попытался. Я привычно сместился в сторону, перехватил его запястье и откинулся назад, не забыв поставить подножку. Паренёк заскочил на нашу территорию, налетел на прямой Кости и прилёг на песок отдохнуть.

– Два – ноль! – заорал Ян, из расквашенной мячом губы которого сочилась кровь. – Сосунки!

Панкрат-Заноза неожиданно шустро ринулся на меня; я пинком в бедро остановил его рывок и сразу отступил, опасаясь атаки со стороны Северянина, но того уже оттянул на себя Карл, а коротышку взял в оборот Костя. С земли поднялся Бугор, а только я шагнул к нему, намереваясь повалить обратно, как прозвучала пронзительная трель свистка и прибежали дружинники.

– Прекратить безобразие! – заорал звеньевой. – Кто начал драку?!

Я руками развёл.

– Какое безобразие? Какая драка? Вы чего в тренировочный процесс вмешиваетесь?

У старшекурсника чуть глаз от изумления не выпал.

– Чего-о-о?!

Я указал на частично уцелевшие полосы на песке и пояснил:

– Это спортивная площадка. А у нас идёт тренировка по двоеборью. Сверхбол и рукопашный бой. Четыре на четыре. Всё по-честному.

– А...

– Рукопашный бой без задействования сверхспособностей, – добавил я и обратился за поддержкой к зрителям: – Так ведь?

Свидетелей, готовых подтвердить мои слова, нашлось предостаточно, и дружинники в итоге отстали, но далеко не ушли, начали за нами следить.

– А кто выиграл? – спросила вдруг симпатичная брюнеточка из числа зрителей.

– Переигровка будет, – мрачно объявил Карл.

Северянин кивнул.

– Всенепременно.

На том и разошлись, благо особо помять друг друга не успели.

Костя подхватил мяч и спросил:

– Ну что – на поле?

Ян закатил глаза.

– Какое ещё поле, ты чего? Идём в кабак!

Мы и пошли. Сели на летней веранде студенческого кафе «Под пальмой», заказали сразу по две кружки светлого пива, дабы лишний раз официантку туда-сюда не гонять, расслабились. Разве что поначалу молча повздыхали, когда Карл заметил:

– Эх, Николя бы точно не упустил шанса этим прохвостам по мордям надавать!

Это да – Коля был не дурак подражаться, но чего уж теперь?

Выпили за него, после уже просто пили. Ну а почему бы и нет? В Новинск какой-то модный театр из столицы с гастрольями приехал, Лия только два билета достать сумела, вот и пошла на спектакль с Ингой. А какой мне смысл одному в квартире куковать? Никакого...

Глава 2

Утром разбудил Миша Попович. Изначально я намеревался позаимствовать у соседа будильник, но у того тоже оказались планы на воскресенье, он и сам встал ни свет ни заря.

– Куда собрался? – поинтересовался я на кухне, оторвав от календаря листок «5 августа».

– Милена пропуск к Эпицентру выбила, мотанёмся одну идейку проверить, – пояснил Нигилист, усилием воли разогревая чайник.

– Круто!

Миша вздохнул и как-то очень уж озадаченно поскрёб затылок.

– Круто, – признал он после этого, – только понять не могу, зачем ей это надо. Я ж в теории полный ноль! Все мои идеи – детский лепет, попытка изобрести велосипед!

– Скажешь тоже!

– Именно. Я ж в теоретическом плане пока только по самым вершкам пробежался!

Я налил себе заварки, добавил кипятка и усмехнулся.

– Милене просто умные молодые люди нравятся. А ты институтских зубрил видел? Задохлики! Глаз не на ком остановить.

И шуткой это заявление было лишь отчасти: пусть сам Попович особой крепостью сложения отнюдь не отличался, но после полугодового курса в комендатуре мог дать фору большинству студентов.

– Ну тебя! – отмахнулся он. – Даже если так, есть куда более лёгкие способы меня до своего уровня подтянуть, чем пропуск к Эпицентру выбивать. Думаешь, это так просто?

Я точно знал, что согласование такого рода поездок обычно занимает не один день, и пусть даже Милена имела некое отношение к аналитическому дивизиону ОНКОР, рядовому сотруднику без внятного обоснования подобную инициативу зарубили бы на корню.

– Свежий взгляд, – сказал я после недолгих раздумий. – Сам говоришь – теорию ты знаешь поверхностно, поэтому не зашорен. Как пить дать, что-то ей в твоих рассуждениях интересным показалось. А что именно, не говорит, не желая к общепринятым выводам подталкивать.

– Мне б твоё воображение, Петя! – вздохнул Миша и махнул рукой. – Ладно, у тебя-то со щитом как дела обстоят? Научился стабилизировать?

Цилиндрический полог сверхэнергии малой интенсивности мы разработали совместными усилиями; для абсолютного большинства операторов создание подобной конструкции никакого практического смысла не имело, а вот мне позволяло гасить кинетическую энергию пуль решительно любого калибра. В момент пробития преграды они делались заметными для моего урезанного ясновидения, нейтрализовать после этого кинетическую энергию было уже делом техники.

– Завтра сдавать буду, – сказал я.

– Расскажешь потом, как пройдёт. Мы только в среду вернёмся.

– Само собой.

Засиживаться на кухне я не стал, быстро позавтракал, натянул короткие прогулочные штаны и рубаху-поло да и поспешил в пункт проката. Взял велосипед со вторым сиденьем, закреплённым на раме, заплатил за день и покатыл к студгородку. Приехал заранее и успел не только наполнить квасом бидон в соседней палатке, но и осушить кружку, прежде чем появилась Лия.

Барышня выпорхнула с проходной в лёгоньком сарафанчике выше колен и косынке; я даже засмотрелся на её загорелые ноги.

– Петя, привет!

– Привет!

Мы поцеловались, ничуть не смущаясь взглядами случайных прохожих, бидон повесили на руль, корзинку и свёрнутые валиками полотенца закрепили сзади на багажнике. Лия разместила на дополнительном сиденье боком, по-дамски, одной рукой ухватилась за руль, другой обняла меня, и – помчали!

Сначала потряхивало на неровной брусчатке, затем пришлось огибать ямы и выбоины на проезжей части, но ерунда – катались за город таким макаром не первый раз, сложностей с управлением не возникло. Пока ехали по улицам Новинска, я внимательно следил за дорожным движением и на разговоры не отвлекался, да и Лию занимало преимущественно то, как бы не дать взлететь под порывами встречного ветра подолу сарафана. Ну а потом городские окраины остались позади, и мы выехали в поле. Повеяло зноем и ароматом высушенных солнцем трав, в небе закружили птицы.

– Инга предупредила, что нас на собрании актива военной кафедры ждут, – сказала Лия, когда я отвернул от трамвайной линии, уходящей к лодочной станции, и покатил вдоль опушки соснового бора.

– Ты не против? – уточнил я.

– Нет, конечно! – уверила меня барышня. – Я же там почти всех знаю!

И в самом деле – мало того что Инга и Вениамин её своим товарищам давным-давно представили, так и сама Лия на военную кафедру в июне перевелась, а с её общительным характером перезнакомиться со всеми за месяц ничего не стоило.

– Потом, как и договаривались, в горсад на танцы пойдём, – добавил я.

– А кто будет?

– Василь с Машей, Лев с Софьей. Антон, даже не знаю, кого на этот раз приведёт.

Лия рассмеялась.

– А твой сосед?

– Нет, они с Миленой к Эпицентру уезжают. Какие-то у них там дела.

Не полагаясь на сверхспособности, я размеренно крутил педали, разве что слегка уменьшил силу тяжести, когда колёса начали скакать на толстенных сосновых корнях. Какое-то время мы ехали под сенью высоченных деревьев, потом вновь выскочили на открытое пространство, помчали от перелеска к перелеску вдоль берега водохранилища, удаляясь от лодочной станции и забираясь в совсем уж глухие места.

Утреннее солнышко давненько поднялось над горизонтом и ощутимо припекало, но доносившийся от воды прохладный ветерок освежал и не давал окончательно упреть. Мы скатились в низинку, сплошь усыпанную цветками иван-чая, проехали по накатанной тропинке и не повернули вслед за ней к берегу, начали пробираться по целине. Высокие травы вскоре сменились зарослями ивняка, и после недолгого лавирования меж деревьев нам открылся небольшой дикий пляж – песчаная прогалина, окружённая со всех сторон непролазными зарослями. Ещё и длинные языки камыша образовывали бухточку – место было укромней не придумаешь.

– А рядом точно никого? – засомневалась Лия, когда я снял бидон с руля и установил его на песок.

Мой внутренний потенциал был набран в противофазе, так что я просто ослабил заземление и – ничего. Никаких энергетических аномалий, за исключением заряда спутницы, почувствовать не удалось. Впрочем, это ещё ни о чём не говорило, поскольку находиться поблизости могли не операторы, а самые обычные люди.

Лия расстелила на песке полотенце, поставила на него корзинку и сняла косынку, а я задействовал активный поиск – выплеснул из себя немного сверхсилы, заставил разойтись её вокруг нас будто волну от брошенного в воду камня. И снова – ни малейшего отклика.

– Нет тут никого, – заявил я тогда. – За метров триста-четыреста ручаюсь.

– А я твоё воздействие почувствовала! – заявила Лия и наморщила вздёрнутый носик. – Могла бы закрыться!

Я снисходительно усмехнулся и чмокнул девчонку в лоб.

– Это я присутствие обычных людей выявлял. Если бы до того операторов ощутил, не стал бы активный поиск задействовать.

– Поверю на слово, – улыбнулась Лия и взялась за сарафанчик, но только приподняла его подол и тут же вновь опустила обратно. – Ой, Петя, я купальник надеть забыла! – захлопала она глазами.

При одной только мысли о том, как Лия в своём коротеньком платице ехала через весь город без нижнего белья, у меня едва челюсть не отвисла, а барышня рассмеялась, вмиг избавилась от сарафана, развернулась и помчалась к воде, сверкая своим не столь уж и белым задом – загорать голышом мы сюда выбирались далеко не первый раз.

Я миг любовался открывшимся видом, потом сбросил оцепенение, разделся и побегал следом. Влетел в тёплую воду, нырнул, поплыл вдогонку за барышней. Настиг уже на глубине, там рукам волю давать не стал, обнял подружку, лишь когда, вдоволь наплававшись, вернулись на мелководье.

Мы довольно долго так и барахтались, а потом Лия высвободилась и выбежала на берег, растянулась на горячем песке. Я последовал за ней и лёг сверху, но барышня мигом спихнула меня, ещё и попеняла:

– Ну, Петя, ты чего? Не на улице же! Это неприлично!

– А голышом загорать – прилично? – улыбнулся я.

– Не путай нудизм со всякими непотребствами! – парировала Лия, глянула на меня и хихикнула. – Хотя в твоём случае разницы действительно никакой!

Я фыркнул и перевернулся на живот, девчонка аж затряслась от смеха.

– А другие пловчихи твоему загару не удивляются? – поинтересовался я после недолгого молчания.

– Не-а, – мотнула та головой. – У нас там все бесстыжие!

Я не удержался, провёл ладонью по её спине от шеи до копчика и сказал:

– Лучшее лето в моей жизни!

Лия заинтересованно приподнялась на локтях, перехватила мой взгляд и прикрыла грудь рукой.

– И почему же?

– Ты ещё спрашиваешь?

– Ну в самом деле, Петя! Что изменилось-то? Мы и раньше дружили...

– Кто-то плохо себя ведёт, – заметил я и в шутку пригрозил: – Кого-то придётся отшлёпать.

Лия поелозила на песке и глянула с хитрым прищуром.

– Если только вечером.

– Ловлю на слове.

– Да, Петя! – встрепенулась барышня. – У тебя же вчера последняя процедура была! И как тебе на пике витка?

– Оказалось, не последняя, – вздохнул я. – Не смог продолжительность резонанса нарастить. Не вышло.

– Ой, мне так жаль...

– Да брось! – отмахнулся я. – Расскажи лучше, у тебя как дела.

Помимо подготовительного курса собственно военной кафедры, Лия продолжала посещать плавание, йогу, сават и групповые занятия пирокинетиков, организованные Герасимом Сутолокой, у которого занимался и я, только индивидуально.

– У меня всё замечательно, – улыбнулась Лия. – Правда-правда! Я тебе рассказывала, как Гера убедил Федору Васильевну мою программу откорректировать? Он такой молодец! Я за два месяца отставание от однокурсников наверстала, к сентябрю по контролю сверхэнергии точно в стандарты уложусь!

– Здорово! А в группе у вас как?

– Отлично просто! Гера роль диспетчера доверил, считает, у меня к этому врождённые способности. Мало кто способен энергетические потоки нескольких операторов синхронизировать, а я почти без подготовки сразу с четырьмя работаю! Представляешь?

– Ты молодец!

– Гера говорит, я полна талантов!

Очередное упоминание наставника невесты с чего вызвало иррациональное раздражение, я дотянулся до бидона с квасом, задействовал часть сверхсилы на его охлаждение, хлебнул сам, предложил Лии:

– Будешь?

Та приложилась к бидону и слегка перестаралась, в ложбинку меж грудей потекла струйка кваса. Барышня перехватила мой взгляд и смутилась.

– Не смотри! – потребовала она, а потом и вовсе убежала в воду. Почти сразу вернулась, уселась на полотенце и заявила: – Петя, ты меня в краску вгоняешь!

– А что я? Я просто смотрю!

– Нет, не просто смотришь!

– Брось!

Лия фыркнула и улеглась на полотенце.

– Давай загорать. Хорошо?

– Давай.

– Петя! Я серьёзно! Не вздумай приставать!

Это оказалось непросто, но сдержался. Уговорил себя дожидаться вечера.

В Новинск вернулись к часу пополудни. Не могу сказать, будто так уж ничегонеделанье на пляже надоело, просто и солнце слишком уж немилосердно припекать начало, и прихваченная с собой немудрёная снедь закончилась, а на свежем воздухе, несмотря на жару, не на шутку аппетит разыгрался.

Я отвёз Лию к проходной студгородка и поехал сдавать велосипед в пункт проката. Обратная дорога далась неожиданно тяжело, едва до дома дополз. Но там постоял немного в душе, освежился и взбодрился.

Пиджак на вечерний выход я решил не надевать, ограничился льняными брюками, рубашкой с коротким рукавом и парусиновыми туфлями да ещё лёгкой летней кепкой. Ни в одно из многочисленных кафе по пути в институт не завернул, встретил у проходной прихорошившуюся Лию и повёл её по тенистому бульвару Февраля. Шли мы без всякой спешки, сначала пообедали на открытой террасе небольшого семейного ресторанчика, потом заглянули в кафе-мороженое. Только после этого свернули в узкий проход, который привёл нас во двор-колодец, где и располагался вход в клуб.

Там Лия оставила меня, присоединившись к компании других барышень, а я углядел на нашем привычном месте Карла и Яна, подошёл к ним. В просторном помещении было жарко и душно, лёгкие порывы ветра, залетавшие в открытое окно, ситуацию ничуть не спасали.

– Слава, ты о нас не забыл? – окликнул буфетчика Ян. – Нам уже не два пива, а три!

– Сейчас всё будет! – отозвался тот. – Минуту!

– Чего-то Хмель сегодня как сонная муха, – отметил Карл.

– Да он жару не переносит, – усмехнулся Ян.

Впрочем, наговаривали они на буфетчика совершенно напрасно: тот почти сразу обеспечил нас тремя кружками пива, я охладил их, мы чокнулись и выпили.

– Губа болит, – пожаловался Ян. – Мячом прилетело будь здоров, к вечеру вчера распухла, как у верблюда.

Вид у него и в самом деле был ровно после хорошей трёпки, Карл даже счёл нужным утешить приятеля:

– До свадьбы заживёт!

– Ещё скажи: научный факт! – скривился Ян. – Да я до свадьбы хвост успею отрастить! Или жабры! Стану этим... как его... человеком-амфибией, во!

– Опять со своей поругался? – догадался я.

– Да ну её! То не так, это не эдак!

В этот момент председательствующий на собрании Вениамин Мельник постучал ложечкой по горлышку стеклянного графина и повысил голос:

– Товарищи, прошу вашего внимания! – Он сделал паузу, а после наступления тишины продолжил: – Сегодня обсудим военно-политическую обстановку на границах республики и сопредельных территориях. Касатон, начинай!

Черноволосый, смуглый и подтянутый аспирант с розеткой солдатского креста на пиджаке поднялся со своего места и принялся вещать:

– Газеты вы все читаете и сами, скажу только, что ситуация складывается непростая. Султанат поглотил наши бывшие касизские и закасизские провинции, получившие независимость с развалом империи, и определённо не собирается останавливаться на достигнутом. Вероятно, в дальнейшем они предпримут попытки, упирая на исторические права, вернуть под свой контроль Таврический полуостров, но нельзя исключать и вторжения на территорию республики. В Центральной Латоне тоже неспокойно. Ускоренными темпами продолжается милитаризация Оксона, что грозит окончательно разрушить все послевоенные договорённости. Заокеанские капиталисты плевать хотели на ограничения Лиги Наций, они поставляют Третьему рейху любые материалы и оборудование, лишь бы только платили деньги. Айлийские империалисты тоже не прочь перековать мировой порядок и погреть руки на чужой войне, только они делают ставку на Средин, Окрест и шовинистические режимы наших северо-западных карликовых соседей. И дело не ограничивается гарантиями безопасности, островитяне открывают кредиты, которые целиком и полностью идут на оплату оружия, и поощряют агрессивную внешнюю политику. Дошло до того, что пришедшие к власти в Окресте националисты предъявили претензии на часть наших западных и юго-западных губерний!

– Так Средин тоже на восток поглядывает! – крикнул Ян. – Окресту бы при своём остаться!

– Сами себе яму роют! – согласился с этим высказыванием кто-то из собравшихся, и Мельник вновь постучал ложечкой по графину.

– Тишина, пожалуйста! – потребовал он.

Касатон Стройнович глотнул воды и продолжил.

– Ещё даже более скверный характер приобретает положение на юго-восточных рубежах республики. Нихонский оккупационный корпус взял под свой полный контроль большую часть Джунгарии, ими сформировано марионеточное правительство во главе с великим ханом, проводятся репрессии и этнические чистки. Теперь линия напряжённости протянулась на несколько тысяч километров от Алтаунских гор вплоть до океанского побережья. Нихонцы обладают стратегической инициативой в силу того простого обстоятельства, что имеют возможность скрытно сформировать ударную группу и перейти границу в любом месте по собственному усмотрению, вынуждая нас действовать от обороны. Ясно, что в первую очередь они постараются заблокировать движение по трансконтинентальной железной дороге, но понимание этого факта особой конкретики в ситуацию не привносит.

Вслед за этим заявлением послышался новый возглас:

– Надо атаковать самим!

– Правительство на это не пойдёт! – с уверенностью заявил Вениамин Мельник.

Стройнович выразился и того категоричней:

– Превентивный удар ничего не даст. Нихонские войска рассредоточены, в ударный кулак их соберут непосредственно перед нападением на республику.

– А они точно нападут? – усомнился кто-то из барышень.

– Вероятность этого чрезвычайно высока, – отметил Касатон после недолгой паузы. – Следовало в своё время заключить с Джунгарией договор о военной помощи и гарантиях безопасности, но эта возможность была бездарно профукана.

– И что теперь?

С ответом на этот вопрос заминки не возникло.

– Готовиться! – объявил Стройнович.

– Не нужно думать, будто в правительстве недооценивают угрозу вторжения! – подхватил Вениамин Мельник. – Но и риск столкновения с Окрестом высок как никогда! И не стоит забывать о Средине! Нельзя просто взять и перебросить армейские части Западного и Центрального военных округов, это было бы стратегически неверно. Именно поэтому ещё в мае был сформирован особый восточный корпус под командованием генерал-лейтенанта Рогача. Поддержку ему оказывают пограничники и железнодорожники, а также ОНКОР.

У Карла от удивления даже глаза округлились.

– Но как же так?! – вскочил он с места. – ОНКОР не имеет полномочий действовать за пределами научной территории!

– Не имеет, – подтвердил Касатон Стройнович с редкостно самодовольной улыбкой. – Но никто не мешает его подразделениям перейти в оперативное подчинение армии, а отдельным сотрудникам стать военспецами и советниками.

– Да ну! – выдал я. – Никто на это не пойдёт!

– Уже пошли! – уверил меня Мельник. – В понедельник будет официально объявлено об усилении Особого восточного корпуса зенитно-артиллерийского полка. А ещё пограничный корпус получит от нас отдельную зенитную роту. Ну и жандармы за счёт ОНКОР обновят вооружение бронепоездов. Усилят их и операторами.

– Капля в море! – высказался какой-то скептик.

– Отнюдь! – возразил Касатон Стройнович. – Это лишь начало! Набор добровольцев из числа выпускников военной кафедры и бойцов ОНКОР уже завершён, но в самое ближайшее время начнётся обучение по востребованным военным специальностям студентов старших курсов. Внести свой вклад в обеспечение безопасности республики сможет каждый!

Ян поднял руку и спросил:

– А только зенитчиков будут набирать?

– Если кто-то подойдёт для решения других задач, ему об этом сообщат, – уклончиво ответил Вениамин Мельник и повысил голос: – Не стоит недооценивать значимость противовоздушной обороны! Лишить вражескую авиацию господства в воздухе – вот наша приоритетная задача!

Начались прения, и попутно исполнявший роль секретаря собрания Стройнович начал записывать желающих пройти курсы зенитчиков. Карл толкнул меня локтем в бок и спросил:

– Что думаешь, Пьер?

– Ничего не думаю, – усмехнулся я. – Я же только на второй курс перешёл!

Карл посмотрел на Яна, и тот покачал головой.

– Ну не в зенитчики же!

– Сейчас инициативу не проявим, потом вообще никуда не возьмут! – резонно заметил здоровяк.

Они ещё немного поспорили, чтобы в итоге всё же подойти к Стройновичу и предложить свои кандидатуры. Я допил пиво и задумчиво глянул в сторону буфета, но решил ограничиться одной кружкой. Мне ещё Лию на танцы в горсад вести, а завтра зачёты сдавать. Увлечаться выпивкой определённо не стоило.

Дебаты в результате затянулись, время начало поджимать, и я отозвал Лию от компании барышень, предложил закругляться.

– Я сейчас, – шепнула та и убежала в дамскую комнату.

Вернувшийся от буфета с двумя кружками пива Карл поинтересовался моими планами на сегодняшний вечер и предложил:

– Может, лучше нам компанию составите?

– Не, – с улыбкой покачал я головой. – Ваши барышни меня на дух не переносят.

– Да брось, Пьер!

– Так и есть. Да и договорились уже с людьми. Давайте чисто мужской компанией на неделе встретимся!

– О! – оживился Ян. – Это дело!

Я попрощался со студентами, перехватил двинувшуюся на выход Лию, и мы побежали к ближайшей трамвайной остановке. До горсада домчались буквально за пять минут, но и так, когда поднялись на летнюю веранду кафе, компания оказалась уже в полном сборе. Василь по своему обыкновению не отводил взгляда от Маши Медник, а Лев что-то увлечённо обсуждал с рыжим Антоном. Софья общалась с незнакомой мне студенткой, очень даже симпатичной и фигуристой.

Я смерил оценивающим взглядом барышень и решил, что кухня Юлии Сергеевны, несмотря на простенькое платьице и почти полное отсутствие украшений, смотрится куда изысканней и утончённей, нежели Маша в своём пошитом в столичном ателье наряде. И что наполнило сердце теплотой – загорелая и спортивная Лия на их фоне нисколько не терялась. Скорее уж наоборот.

– Всем привет! – помахал я, подходя к столу. – Что пьёте?

В кувшине обнаружился сидр со льдом, и я наполнил стакан своей спутнице, а сам сходил в буфет за пивом. Взял одну кружку себе, вторую прихватил попросившему об одолжении Василию. Только сделал пару глотков, и заиграл оркестр, Лия мигом потянула меня на танцплощадку. Да и остальные за столом сидеть не стали, последовали за нами. Перевести дух и обменяться последними новостями удалось лишь минут через сорок.

– Вышел на пик витка? – поинтересовался Лев, приложившись к стакану с содовой.

– Не-а, – поморщился я. – Запорол.

– А что так? – удивился Антон.

Я пожал плечами.

– Кто б мне сказал! На последней секунде слетел.

Рыжий студент хотел что-то произнести, но его вновь потянула танцевать подруга, а Лев наставил на меня худой указательный палец.

– Это всё от недостатка самоконтроля.

– Да ну, – поморщился я. – Нормально у меня всё с самоконтролем! Это с чувствительностью проблемы. Столько таблеток скормили, столько капельниц прокапали, а всё без толку!

Мой бывший одноклассник покачал головой.

– Все препараты – лишь костыли, на них далеко не уедешь! Тебе нужно обрести внутреннее равновесие. Делай упор на йогу!

Я вздохнул.

– Будто я не делаю!

Лев фыркнул.

– При всём уважении к Федоре Васильевне, – заметил он, – Михаил Прокопьевич как наставник даст ей сто очков вперёд.

– Он настоящий учитель! – поддакнула просветлевшая лицом Софья. – Творческая личность!

– Именно! – прищёлкнул пальцами Лев, с благодарностью глянув на барышню. – Михаил Прокопьевич исповедует творческий подход, а не механическое заучивание поз и движений! В основе его практики лежит духовное развитие! Он – истинный гуру!

– Пётр, вам непременно стоит пообщаться на этот счёт с Михаилом Прокопьевичем! – добавила Софья. – Это удивительный человек!

Лично я не видел в господине Горицете ровным счётом ничего выдающегося, но свою точку зрения касательно его персоны благоразумно озвучивать не стал, вместо этого вздохнул:

– Когда бы мне ещё на все занятия время найти!

– Я тебе брошюру дам, – пообещал Лев. – Ты завтра на йоге будешь? Там и увидимся.

В этот момент Лия, о чём-то шушукавшаяся до того с Машей Медник, поднялась из-за стола и окликнула меня:

– Петя, не теряй!

Барышни направились к дамской комнате, а я указал на опустевшую кружку и сказал:

– Сейчас вернусь.

Но вот так сразу в буфет не пошёл, присоединился к Василию, который на веранде дымить не пожелал и вышел с папиросой на улицу.

– Никак не бросишь? – спросил у него.

– Скажешь тоже! – пыхнул дымом бывший сослуживец, за два летних месяца заметно похудевший и одновременно раздавшийся в плечах. Так и остался крепко-сбитым и плотным, но мясистым теперь его было уже не назвать. Лицо и то усохло, никак не изменился лишь нос картошкой. – Спас говорит, некурящих следователей не бывает.

– О как? – удивился я. – Так ты сейчас в надзорном дивизионе? Я думал, в следственный определили.

– В надзорном, ага. Ассистент следователя, – кивнул Василь и встрепенулся. – Погоди, так ты, получается, Иллариона Валериановича знаешь?

– Ну так! – усмехнулся я и пояснил: – Он у меня право ведёт.

О нашем общении по работе упоминать не стал. Ни к чему это. Лишнее.

Василь вздохнул.

– Мы с Машкой надеялись обратно в столицу уехать, да не срослось. Тут все на ушах в июне стояли, нас тоже припрягли. Опять же сверхспособности ускоренными темпами развиваем.

– Тоже дело.

Мой бывший сослуживец кивнул и щелчком отправил окурочек в урну, после оглянувшись на террасу, но барышни ещё не появились, не стал возвращаться за стол и он.

– Всё это здорово, – сказал Василь, – только немного не то. Да, мы за эти два месяца кучу сомнительного элемента проверили, очень полезный опыт, но всё время на подхвате у кого-то были. Никакой самостоятельности, чисто техническая работа. Подай, принеси, не мешай. – Он огляделся по сторонам и даже слегка подался ко мне, произнёс, заговорщицки понизив голос: – У нас сейчас две сводные опергруппы формируют. Одну в Зимск направят по линии идеологического комиссариата, другую на восток в помощь армейской контрразведке. Мы с Машкой добровольцами вызвались, но непонятно, возьмут ли и если возьмут, то куда. Лучше бы с комиссариатом поработать, конечно. Сейчас нового начальника по особой научной территории назначили – Ефим Суббота, слышал о таком?

Фамилия показалась знакомой, но и только. Я покачал головой.

– Да и не важно! – отмахнулся Василь. – Суббота к себе заместителем Леонида Зимника взял, а мы с ним в командировке отлично сработались. Пробивной мужик, далеко пойдёт.

В способностях нашего бывшего инструктора без мыла пролезть куда угодно лично я нисколько не сомневался, но вот просьба о переводе оправданной отнюдь не показалась.

– Слушай, Василь, а есть вообще смысл Новинск на Зимск менять? Сколько там населения? Тысяч двести?

– Да больше! – возразил тот. – Тысяч триста точно есть, а то и все четыреста. Губернский город, не хухры-мухры! Там заводов не меньше, чем в Новинске! И ты понимаешь, тут – болото, так на вторых ролях и останемся. А в опергруппе инициативы больше, есть шанс себя проявить.

– Ну хорошо, если так.

– Петя, только это всё между нами!

– Само собой! – уверил я товарища и обратил внимание на компанию, неспешно шествовавшую по аллее.

Три молодых человека, три барышни. Поначалу взгляд сам собой зацепился за городскую форму ОНКОР, после только я узнал бывших сослуживцев: Максима Бондаря и приятелей-«псов» – Илью и Сергея. Их спутницы были в лёгких платьицах; определённо видел этих барышень прежде, только не смог припомнить, где и при каких обстоятельствах.

Дальше я заметил нашивки парней и озадаченно хмыкнул: шевроны Максима отмечали три сержантских лычки, у его спутников таковых было по две.

– Макс повышение получил, а «псы» на курсы приняли. – пояснил мне Василь, который знал всё и обо всех. – Барчука тоже взяли, – добавил он и сплюнул под ноги.

Как видно, Маленский не оставлял попыток вернуть расположение Маши, но я эту тему поднимать не стал, спросил о другом:

– А чего пролетарии не с Фаей и Раей?

– Близняшек ещё весной куда-то из Новинска перевели, – заявил Василь и ухмыльнулся: – Ты мне лучше вот что, Петя, скажи: этих барышень они за идеологическую близость выбрали или по причине доступности в интимном плане?

Я ответил столь же циничной улыбкой.

– Тот факт, что они откровенно страшненькие, может свидетельствовать и о том, и о другом.

– Тоже из комендатуры, – подсказал Василь. – В женском отделении были.

– А чего это «псы» с Максом общаются? – спросил я. – Он же не из пролетариев?

– А с кем им ещё общаться? Младший начальствующий состав же.

Тут бывшие сослуживцы заметили нас, но подходить не стали, только небрежно кивнули на ходу и важно прошествовали дальше.

Я хмыкнул и решил на следующей тренировке Макса за такое поведение слегка покритиковать. Имелась у меня заготовка, которую давненько уже на нём отработать собирался, да всё повода не было.

Следом появились Марина и Антон. Если эта парочка и прикатила в горсад на одном трамвае с сослуживцами, то держались они подчёркнуто сами по себе – то ли в принципе не общались, то ли просто наедине друг с другом побыть хотели. Барышня приветливо нам улыбнулась, её кавалер ограничился кивком.

– Ничего так фигура, – отметил Василь. – Маринку тоже, кстати, на курсы взяли. Я краем уха слышал, капитан Городец по своей линии пристроил.

– Серьёзно?

– Ага.

Я озадаченно глянул вслед шагнувшей по аллее парочке, но отнюдь не из желания оценить вид Марины сзади, хоть посмотреть там и было на что, просто известно, какая линия у капитана Городца – абы кому он протекцию составлять не станет даже из большой личной симпа-

тии. Впрочем, при той провокационной проверке оперативниками контрольно-ревизионного дивизиона проявила себя Маринка более чем достойно, пусть вечно и строила из себя трусиху. Может, её тогда и заметили ещё?

– Да! – встрепенулся вдруг Василь. – Дыба в армию перевёлся, на неделе в особый восточный корпус советником уезжает.

– Серьёзно? – присвистнул я. – Ему это на кой? Неужто начальство хвост прижало?

– Ага, Вяз сожрал. Но Дыба внакладе не остался, у армейцев нашим на два звания выше дают, прапорщиком будет, а то и цельным подпоручиком.

Я не утерпел и спросил:

– А что о Боре слышно?

– Ускоренные курсы закончил, получил старшего унтера железнодорожного корпуса. Вроде, командиром зенитного расчёта в бронепоезде назначили, но это не точно.

Я хмыкнул, заметил вернувшихся за стол барышень и сказал:

– Пойду за пивом схожу.

– Не, моя очередь, – возразил Василь.

Спорить и в голову не пришло, тем более что очередь была и в самом деле его. Но и проходить на террасу я не стал, поскольку на глаза вновь попались знакомые лица: на сей раз в горсад пожаловали монархисты.

– Просто вечер встреч какой-то! – проворчал я себе под нос и с места не сдвинулся.

Меня тоже заметили, а опускаться до постыдного бегства не хотелось. А то как бы кое-кто о себе лишнего не возомнил. И речь не о Юлии Сергеевне, вовсе нет. Недобро глянули, проходя мимо, Анатолий, Роман и Кеша.

Вот тоже странно, этому-то мальчику на побегушках я когда дорогу перейти успел?

Настя меня своим вниманием не удостоила вовсе, а Юлия хитро сверкнула васильковыми глазами, что-то шепнула подруге и свернула к уборной. Там она надолго не задержалась, а после за спутниками не пошла, направилась ко мне.

– Развлекаешься? – спросила барышня, поправив свисавшую с плеча на длинном ремешке сумочку с золочённым замочком.

– Да вот на танцы выбрались, – пояснил я, испытывая странную неловкость.

Юлия Сергеевна окинула пристальным взглядом террасу, заметила Лию и уточнила:

– Всё ещё крутишь роман со своей курносой малышкой?

Ответить не успел: от буфета подошёл с двумя кружками пива Василь, и случилась неловкая пауза. Застигнутая его появлением врасплох барышня принялась накручивать на палец цепочку с подвеской в виде золотой рыбки, и я поспешил сгладить неловкость момента.

– Юлия, это Василь. Василь, это Юлия.

– Очень приятно, – холодно улыбнулась госпожа Карпинская, развернулась и зашагала по аллее.

Василь присвистнул.

– Вот это штучка! – Он пронизательно глянул на меня и вдруг уточнил: – Погоди, у тебя с ней что-то было?!

Я забрал одну из двух кружек, сделал длинный глоток холодного горьковатого пива и попросил:

– Только между нами.

– Ну ты даёшь! – поразился мой товарищ. – И ты её на Лию поменял? Обалдеть!

– А что не так с Лией? – нахмурился я.

– Да всё с ней так, – уверил меня Василь. – Но тут же совсем другой класс!

– Мне класс Юлии Сергеевны до одного места, знаешь ли. Мне с ней на светские рауты не ходить.

Василь оглянулся и посмотрел вслед дворяночке, затем приложился к запотевшей кружке, поскрёб затылок и признал:

– И в самом деле. Ладно, пойдём, а то нас потеряли уже.

Но нет, не потеряли. Когда подошли к столу, Лия взahlёб рассказывала Маше о своём замечательном наставнике и его индивидуальном подходе к обучению; меня из-за этого вновь покорило. Быстренько ополовинил кружку и утянул барышню танцевать.

Пробыли мы в городском саду до позднего вечера. Дневная жара отступила, но свежести не прибавилось ни на грош, наоборот – навалилась духота, возникло ощущение приближающейся грозы.

– Ночью дождь будет, – заметила Лия, когда мы, распрощавшись с остальными, двинулись от горсада к студенческому городку.

На улицах в центре Новинска повсеместно горели электрические фонари, хватало и припозднившихся гуляк, благо комендантский час отменили ещё в последних числах июня. Частенько на глаза попадались пешие и мотоциклетные патрули комендатуры, а вот полицейских видно не было. Насколько знал, на попечении полицейского управления оставили в основном западные районы города.

Но хоть из-за ужесточения режима на улицах стало куда меньше всякого хулиганья, об осторожности я не забывал и внимательно поглядывал по сторонам, попутно играл с настройками заземления, то увеличивая дальность своего ясновидения, то пытаюсь сосредоточить его в определённом секторе и отсеять случайные помехи.

– Останешься на ночь? – спросил я Лию будто между прочим.

– Ага, – улыбнулась барышня, взяв меня за руку. – Только заведи будильник на пять утра – у нас завтра групповой выезд за город. Гера считает, что мы уже готовы в полную силу работать.

– Серьёзно? – удивился я.

– Ну, Петя! Мы два месяца взаимодействие отрабатывали! А на следующей неделе вообще куда-то под Зимск поедem.

– Это зачем ещё? – неприятно поразился я.

– Гера убеждён, что Новинск слишком близко к Эпицентру, тут условия тепличные. Попробуем вне научной территории поработать. Он пока в ректорате поездку продавливал, сколько нервов из-за нас потратил!

Гера, Гера, Гера...

Я вновь ощутил раздражение и не сдержался, буркнул:

– Да какие ещё тепличные условия? Что он вообще в этом понимает?!

– Петя, ну ты что? – воззрилась на меня Лия. – Знаешь, как его в ректорате ценят?

– Он не оператор, – привёл я последний аргумент.

– Он оператор, – огорошила меня неожиданным заявлением спутница. – Его даже на подстройку в Айлу отправляли. Там что-то не так прошло, и он способности потерял.

– Это он так говорит?

– Нет, это Федора Васильевна по секрету рассказала. И вообще, Петя, не будь букой!

Новость перевернула моё представление о наставнике с ног на голову, и ничего не оставалось, кроме как примирительно улыбнуться.

– Просто начинаю тебя к нему ревновать, – попытался перевести всё в шутку.

– Да какая может быть ревность! Мы с тобой просто дружим!

Увы и ах, но наши отношения иначе как просто дружбой Лия расценивать отказывалась категорически. Когда в последних числах июня допоздна засиделись на кухне, а проснулись наутро в одной кровати, расставание с девственностью она приняла как должное, а вот серьёзность моих намерений с тех самых пор попросту игнорировала.

Какое-то время шли молча, и раздражённое сопение Лии начало порядком действовать на нервы, я немного поколебался и всё же спросил:

– А с чего ты вообще Федору Васильевну на этот счёт расспрашивать взялась?

Лия замедлила шаг и остановилась на углу моего дома.

– Петя, ты и в самом деле ревнуешь?

Ну и что я мог сказать?

«Нет, не ревную» или «ревную, конечно»?

Так куда ни кинь, всюду клин! Не ревную – значит, безразлична? Вслух ничего такого Лия не скажет, но вдруг подумает? Ну а признание в ревности неминуемо обернётся если не ссорой, то долгими разговорами о собственническом инстинкте и месте женщин в современном обществе. Вот я и выдал, будто в прорубь нырнул:

– Выходи за меня!

У Лии разом глаза округлились.

– Что?!

– Выходи за меня замуж. Я тебя люблю...

– Нет! – отрезала барышня и уже мягче добавила: – Ты меня не любишь. Ты только так думаешь.

Я взял её за руки.

– А есть разница?

– Есть, – подтвердила Лия. – Это просто защитная реакция. Мы знакомы не первый год, но никогда друг другом не интересовались. Девочкам нравился Аркаша, мальчики были без ума от Инги. И скажи, что это не так!

– И что с того?

– Мы изменились, Петя. Мы стали совсем-совсем другими людьми, но в глубине души хотели бы добиться успеха в прошлом, ещё тогда. Отсюда наша симпатия, мы даём друг другу то, что неспособен дать никто другой. Только это всё временно. У нас ведь вся жизнь впереди!

– Вздор!

Лия покачала головой.

– После... того случая я хожу к психотерапевту. Эрнест Карлович всё очень доступно объяснил. И когда я приняла это, сразу стало легче жить.

У меня аж глаза защипало от обиды и разочарования. Захотелось отыскать господина Рейса и удавить его собственными руками, но переборол себя и улыбнулся.

– Это всё ерунда, Лия. Мы сами решаем...

Девчонка замотала головой.

– Нет, Петя. Ты мне очень нравишься, но это не любовь. Любовь – она как удар молнии, с первого взгляда. И сам ты никогда не сможешь быть уверен, люблю я тебя или просто благодарна за спасение от насильников. Так и будешь сомневаться. – Лия порывисто шагнула вперёд и обняла меня. – Давай не будем всё портить, Петя! Хорошо? Ты мне очень-очень нужен. Я за тобой как за каменной стеной. Знаю, что всегда прикроешь и поддержишь. Это так важно... Ты даже не представляешь, как это важно!

Я вздохнул и погладил барышню по спине.

– Можешь на меня рассчитывать.

Послышался скрип железных петель, из приоткрывшейся калитки выглянул дворник.

– Так я не понял, молодые люди: заходить будете или так и станете на улице миловаться?

Лия покраснела и быстро шмыгнула мимо бородатого дядьки во двор, я поспешил за ней. Мы поднялись на третий этаж, вошли в квартиру. Внутри у меня всё так и ныло, я разулся и прошёл на кухню, намереваясь напиться. Лия подступила и обхватила меня сзади.

– Ну вот, ты расстроился...

– Ничего подобного!

– И обиделся...

– Да с чего ты это взяла?

– Раньше сразу в койку тянул! – рассмеялась барышня.

И я подумал: «какого чёрта?», не стал нарушать традицию и на этот раз. Мне это было нужно. Да и не только мне, но и нам. Кто кого в койку затащил – ещё вопрос.

Ночью навалилось смутно знакомое ощущение неправильности.

Вскочил, выбежал за дверь, со всех ног рванул вверх по лестнице и очутился в просторном вестибюле одного из учебных корпусов, там – пятёрка операторов. Парни рысцой неслись через холл, выскочил прямо на них, а сам голый и без оружия.

Накатил паника, но подавил её усилием воли, я ведь сам себе оружие! У меня внутренний потенциал в полсотни мегаджоулей!

Выплёскивать его разом не стал, мешкать тоже не мешкал: на одном длинном выдохе заполонил помещение сверхэнергией и этим не ограничился, позволил той изливаться из меня и дальше. Операторы враз сбились с шага, но никто из них не пренебрёг защитой, никого разрядом не дёрнуло. Щёлкнуло немного позже, когда долговязый молодчик вскинул руку, намереваясь приложить меня молнией. Он на миг открылся, энергия в противофазе соприкоснулась с его потенциалом, и от кончиков пальцев по предплечью и далее к шее протянулся сверкающий жгут. Разом загорелась одежда, завоняло горелой плотью, парень схватился за сердце и упал на колени, а после ничком повалился на пол.

Готов!

Почивать на лаврах я не стал и задействовал технику двойного разряда:шибанул по одному из противников молнией и сразу по дублирующему каналу пробросил поток необработанной энергии. Первое воздействие оказалось заблокировано заземлением, зато второе поразило оператора, и тот забился в судорогах, прожариваемый изнутри.

И ещё один!

Дальше я потратил несколько драгоценных секунд на создание управляемой шаровой молнии с поводком-пуповиной, и намеченный мной в качестве цели белобрысый крепыш за это время успел выплеснуть из себя достаточно энергии, чтобы нейтрализовать всю заполнявшую вестибюль сверхсилу разом. Внутренний потенциал он отгородил шлюзом и сумел избежать замыкания, а вот шаровая молния легко пробила защиту и оставила в груди здоровенную обугленную дыру.

Третий!

Увы, теперь у противников оказались развязаны руки, и шустрый коротышка без промедления перешёл от обороны к нападению. Он приложил меня волной теплового излучения, я встретил её линзой уплотнённого ионизированного воздуха, отделался спалёнными бровями и направленным импульсом вывел себя из-под следующего удара, но последний оператор оказался не промах, предвосхитить его атаку моё ущербное восприятие оказалось не в состоянии.

Удар. Боль. Пробуждение...

Глава 3

Будильник я предусмотрительно завёл на половину пятого. Пусть и рань несусветная, зато на всякие приятные глупости время осталось, не пришлось вот так сразу из кровати выбираться. После, когда мы уже просто лежали в обнимку, Лия вдруг спросила:

– И часто тебе кошмары снятся?

– Вообще никогда не снятся! – ответил я и глазом не моргнув.

– Врунишка! – улыбнулась барышня и вздохнула. – Мне почти каждую ночь снились, пока мы с тобой...

Она замолчала, не завершив фразу, и тут уж от улыбки не удалось удержаться мне.

– Ну-ну? – ухмыльнулся я. – Пока мы дружить не начали, хочешь сказать?

– Не вредничай, Петя! – попросила Лия. – Давай так: у нас с тобой свободные отношения...

Она тут же прикрыла рот ладошкой, а потом принялась хохотать, даже слёзы из глаз потекли.

– Ты чего? – опешил я.

– Ой, мамочка! – с трудом выдавила из себя Лия, промокнула глаза краешком простыни и снизошла до пояснений: – Петь, ты не думай, это не истерика. Просто в старших классах Инга очень любила о преимуществах свободных отношений рассуждать, а я всегда за традиционный брак выступала. И вот теперь она обручена, а я во все тяжкие ударилась!

– Скажешь тоже – во все тяжкие! – фыркнул я, не удержался и заметил: – И вчерашнее предложение в силе. Можем хоть сегодня о помолвке объявить!

Лия прижалась ко мне всем телом, поцеловала и попросила.

– Не надо, Петя. Ты очень-очень хороший, но не обязан жениться, только лишь потому что стал моим первым.

– Да не в этом дело!

– Это не любовь! – вновь чмокнула меня Лия. – Нам просто хорошо вместе, но это не любовь. Да ты и сам это понимаешь, просто слишком упрям, чтобы признать.

– Ерунда!

– А насчёт кошмаров сходи к психологу. Эрнест Карлович замечательный специалист. – Барышня развернула к себе будильник, глянула на циферблат и соскочила с кровати. – Надо собираться! Гера терпеть не может, когда кто-то опаздывает!

Я откинулся на подушку и горестно протянул:

– Опять Гера...

Лия уселась рядом и погладила меня по голове.

– Не ревнуй, хорошо? Если я в него вдруг влюблюсь, сразу же тебе об этом расскажу, и мы решим, как быть дальше.

– Вдруг? – уточнил я, приподнявшись на локте. – То есть ещё нет?

Лия вздохнула.

– Не знаю, Петя, – призналась она. – Я сейчас просто не готова к серьёзным отношениям. Не желаю брать на себя какие-либо обязательства и что-то решать. Хочу просто радоваться жизни. Не у одного тебя это самое лучшее лето...

Лия наклонилась меня поцеловать, и я воспользовался моментом, обнял её и завалил на кровать. В итоге вместо неспешной прогулки до студгородка мы всю дорогу бежали, да ещё на проходной пришлось дожидаться, пока вахтёры растолкают дрыхшего в дежурке стажёра из аналитического дивизиона. Зачем и для чего его сюда отрядили, такое впечатление, не до конца понимал даже он сам, но ничего не попишешь, распоряжение об усилении пропускного режима не на пустом месте родилось.

Дальше Лия убежала принимать душ и переодеваться, ну а я дождался её на лавочке, забрал у барышни сумку с заранее приготовленными для выезда вещами и повёл к служебным воротам через пустой и сонный студгородок. Герасим выбил у руководства полуторку, и грузовик уже дожидался пирокинетиков неподалёку от пропускного пункта. Шофёр курил рядом, а вот из пятёрки операторов к назначенному времени удосужились подойти лишь два подтянутых старшекурсника, судя по выправке имевших какое-то отношение к военной кафедре.

Сам Герасим нервно вышагивал у машины, то и дело поглядывая на часы. Хронометр с кожаным ремешком был не из дешёвых; я заметил его уже давненько и немного даже завидовал.

– Доброе утро! – звонко поздоровалась сразу со всеми Лия и обратилась непосредственно к наставнику: – Надеюсь, я не сильно опоздала?

Герасим вновь взглянул на часы и вздохнул:

– Не важно, Лия. – И протянул мне руку. – Здравствуй, Пётр.

Я переборол иррациональное раздражение и ответил на рукопожатие.

– Сегодня занятия не будет, – предупредил Герасим. – Вернёмся поздно.

– Понял, – кивнул я и больше не сказал ничего.

А вот Лия никакой неловкости не испытала вовсе.

– Душно! – заявила она. – Так и парит. Точно гроза будет.

Герасим глянул в небо, затянутое едва заметной сизой дымкой, и задумчиво произнёс:

– Пожалуй, так.

И тут встрепенулся один из старшекурсников.

– О, бегут!

И точно – от корпусов к нам вприпрыжку неслись огненно-рыжая и отчаянно конопатая барышня и худощавый студент, ничем внешне не примечательный. Старшекурсники забросили свои вещевые мешки в кузов и сами забрались следом, Герасим присоединился к ним и протянул руку Лии. Та чмокнула меня и с помощью наставника влезла в полуторку.

– Петя, пока! – помахала она на прощание узенькой ладошкой.

Я отсалютовал в ответ, а там и опоздавшая парочка до машины добежала, парень подсадил барышню и заскочил в кузов следом, полуторка рыкнула мотором и покатила к шлагбауму на въезде в отстойник.

Стало тоскливо, я вздохнул и отправился на спортивную площадку, сел там на одну из лавочек, смежил веки, успокоил дыхание и принялся медитировать, снимая раздражение и нервозность. В своих чувствах к Лии несколько не сомневался и приступ ревности таким уж необоснованным вовсе не считал, но оставался шанс, что дело отнюдь не в любви, а исключительно в собственническом инстинкте и уязвлённом самолюбии, вот и пытался упорядочить мысли.

Увы, так ни к какому определённом выводу в итоге и не пришёл, только ещё хуже стало. Тогда плюнул на попытки обрести душевное равновесие и отправился заниматься на спортивные снаряды. Турник, брусья, кольца. Отжаться, покачать пресс. Выкинуть всю эту дурь из головы.

И – помогло.

На квартиру я забежал буквально на пять минут. Принял душ, напился из-под крана, переоделся в летний льняной костюм, пошитый взамен пришедшего в негодность при нападении на институт. Поглядел на себя в зеркало и, как обычно, испытал лёгкий приступ неуверенности – не лучше ли ограничиться рубахой? – но выкинул сомнения из головы, поспешил на военную кафедру.

Там, к моему немалому удивлению, обошлось без билетов и экзаменационной комиссии. И даже особо заковыристых вопросов Василий Архипович, в отличие от наших обычных бесед,

не задавал. Мы всё больше общались на какие-то отстранённые темы, а затем он поставил свою закорючку на листе согласования.

– А чего ты хотел? – ухмыльнулся инструктор, от которого не укрылось моё недоумение. – Я и без того твой уровень подготовки знаю. Посмотрим, как практику сдашь.

И мы отправились в тир. Пиджак я предусмотрительно снял на входе, получил пистолет и патроны, быстренько снарядил магазины, а потом выдвинулся на стрелковую позицию, где без особого труда выполнил все обязательные упражнения. Нигде высшего балла не выбил, но и по времени, и по набранным очкам всякий раз укладывался в утверждённые нормативы с немалым запасом.

Напоследок требовалось пройти «коридор», и Василий Архипович поглядел на меня с нескрываемым сомнением.

– Точно переодеться не хочешь?

Я лишь покачал головой, обратился к сверхсиле и разом выбросил часть её из себя, но вместо того, чтобы сформировать овал стандартного щита, окружил себя экраном со всех сторон, будто в полом цилиндре очутился. Плотность энергии в созданной мной структуре была ерундовой, и стенки цилиндра немедленно начали деформироваться и расплываться, тогда усилием воли я закрутил его вокруг себя, стараясь не нарушить при этом структуру. Стабилизировал вращение, и потери энергии немедленно пошли на убыль, тогда подступил к нарисованной на полу белой краской черте.

– Готов!

– Начали! – скомандовал Василий Архипович и щёлкнул кнопкой спортивного секундомера.

Ассистенты инструктора тут же открыли огонь, но в меня не угодил ни один из выпущенных ими каучуковых шариков. Те пересекали защитную пелену и сразу теряли скорость, падали на пол. Точнее, это я дополнительным усилием воли гасил их кинетическую энергию всякий раз, когда ясновидение рапортовало о пробитой завесе и подсказывало траекторию движения метательных снарядов.

Всё бы ничего, но одновременно поддерживать вращение цилиндра и не давать разрушиться ему самому, воздействовать на каучуковые шарики и продвигаться вперёд было не так-то и просто, до отметки в противоположном конце коридора я добирался секунд двадцать.

Василий Архипович озадаченно хмыкнул.

– Оригинально! С боевыми так сможешь?

– Смогу, – хрипло выдохнул я, пытаюсь успокоить сбившееся дыхание. – Даже крупный калибр удержу. Наверное.

– Интересно, – вновь хмыкнул инструктор, поставил очередную подпись и протянул бланк мне. – Сейчас беги в службу охраны, после них на кафедру кадровых ресурсов.

Я взглянул на листок и обнаружил, что должен пройти собеседование у заместителя коменданта Р. М. Лога и консультанта А. П. Кучера. И если Роберт Маркович точно не станет тратить на меня своё драгоценное время, то у Альберта Павловича без подвоха однозначно не обойдётся.

Ладно, поживём увидим.

Корпус, в котором ранее располагалась канцелярия службы охраны, полностью выгорел, пришлось тащиться на аудиенцию почти через весь студгородок. Но зато, как и предполагал изначально, заместитель коменданта подмахнул бумажку не глядя.

– Характеристику на тебя положительную написали, молодец. Продолжай в том же духе, – только и сказал он, прежде чем отпустить меня. – Свободен!

Кафедра кадровых ресурсов тоже переехала, но в новом корпусе бывать уже доводилось, не заплутал и пришёл точно к назначенному времени. А там Альберт Павлович обрадовался мне как родному, что с его обычным поведением нисколько не вязалось. Я насторожился даже.

– Пётр Сергеевич, человек мой дорогой! – Куратор вышел из-за стола и руки в стороны раскинул. – А мы тебя совсем заждались! Правда, Иван?

Иван Богомол выглянул из соседнего помещения и подтвердил:

– А то как же! Давно всё готово!

– Готово – что? – насторожился я.

– А вот сейчас и увидишь, – заговорщицки улыбнулся Альберт Павлович. – Прошу пройти в кинозал!

К моему немалому удивлению, ни шуткой, ни таким уж особенным преувеличением это высказывание не оказалось. Отвели меня в просторную аудиторию с киноаппаратом, занавешенными окнами и экраном во всю стену.

– Задание проще не придумаешь, – объявил куратор, вручая карандаш и пару листов писчей бумаги, – смотришь хронику и записываешь имена всех, кого только узнаешь. Ну или хоть какие-то установочные данные, если имя неизвестно. И время отмечать не забывай.

– Мою наблюдательность, что ли, решили проверить? – озадачился я.

– Наблюдательность, внимание, память, – как-то рассеянно покивал Альберт Павлович и махнул рукой. – Иван, запускай!

Застрекотал проекционный аппарат, на экране возникло изображение сквера перед главным корпусом РИИФС, замелькали фигуры людей. Очень скоро я сообразил, что это кинохроника собрания преподавателей и студентов, посвящённого открытию прошлого учебного года, и принялся высматривать знакомые лица и фигуры. А таковых оказалось немало.

Белым кадром высветилась склейка, торжественная линейка сменилась какой-то лекцией, а затем мне начали демонстрировать явно любительскую съёмку студенческих гуляний на речном пароходике. Я насторожился было, но ничего крамольного в кадр не попало, лишь заметил барышень из компании Карла. Далее показали занятия военной кафедры, помимо старшекурсников и преподавателей узнал нескольких инструкторов, проходивших службу в автобронетанковом дивизионе ОНКОР; время от времени мелькала в кадре и сама техника.

Ну а потом я в сердцах помянул недобрым словом Альберта Павловича, поскольку пришёл черёд костюмированного шествия и новогоднего бала-маскарада, а там все были в масках, попробуй опознай кого-нибудь по силуэтам фигур!

Очередной скачок, и от праздников случился резкий переход к учебным будням. Аудитории и лекции, лекции и аудитории. Под конец показали снятый с верхнего этажа одного из корпусов штурм дворца культуры, но толком в дыму ничего разобрать не получилось, да и камера беспрестанно дрожала; даже разболелась голова.

К счастью, на этом показ подошёл к концу. Экран погас, включился свет, и я начал спешно приводить в порядок набросанные на скорую руку заметки, а перед глазами так и продолжили мелькать изображения людей, зданий и техники. Пришлось даже крепко-крепко зажмуриться и помассировать веки, тогда-то и встрепенулся, поражённый неожиданной догадкой, и с подозрением уставился на вошедшего в аудиторию Альберта Павловича.

– Там ведь не были вклеены гипнокоды?

– Ну что ты! – рассмеялся куратор. – Ты к ним невосприимчив!

– Мало ли...

– Нет, ничего такого там не было, – уже без всякого веселья в голосе заявил Альберт Павлович и протянул руку, а получив лист с перечнем имён, уточнил: – На словах ничего сказать не хочешь?

– А должен?

– Вовсе нет. Идём. А ты, Иван, на сегодня свободен, только плёнку прибери.

Я кивнул на прощание Богомолу и последовал за Альбертом Павловичем, который двинулся по коридору, едва слышно мурлыча себе под нос какую-то мелодию. В кабинете поджидал сюрприз: там нашего возвращения дожидался Георгий Иванович Городец собственной персоной.

Усатый и скуластый капитан комендатуры с хозяйским видом развалился в кресле и даже не подумал освободить Альберту Павловичу его законное место.

– Ну? – вопросительно протянул он, не соизволив поздороваться.

Консультант тряхнул листами.

– Сам посмотри, сколько наш юный друг бумаги испортил!

Тогда только капитан Городец поднялся из-за стола и протянул мне руку.

– Поздравляю, Пётр, с заслуженным повышением! Ты теперь не абы кто, а младший сержант резерва!

Я ответил на рукопожатие и уточнил:

– Как так?

– Все студенты военной кафедры в резерве корпуса числятся, – пояснил Георгий Иванович.

Вот тут я и не удержался от тяжёлого вздоха.

– Если б раньше...

– О солдатском кресте жалеешь? – усмехнулся Городец. – Брось! Заработаешь ещё свой орден.

– Радуйся, что жив остался и при полном наборе конечностей, – укорил меня Альберт Павлович. – Не в моих принципах жаловаться на судьбу, но нам с Георгием Ивановичем даже медали не досталось.

– Меня, допустим, и не за что награждать было, – самокритично отметил капитан.

Консультант в ответ только досадливо рукой махнул. Насколько я сумел понять из редких обмолвок, Альберт Павлович принял участие в обороне дворца культуры, по крайней мере, во время его осады он находился именно там. Правда, о своих действиях распространяться был не расположен и всякий раз отделялся пространными сентенциями.

– Ну что, Петя, – вновь обратился ко мне Георгий Иванович, – новое удостоверение получишь в рабочем порядке, прибавку к жалованию назначат со следующего месяца. На этом всё. Всё ведь, Альберт?

Консультант покачал головой.

– Не совсем.

– А что ещё? – насторожился я.

– Будь добр, не планируй ничего на первую половину воскресенья, – попросил Альберт Павлович. – На футбол хочу тебя сводить.

Известие это нисколько не порадовало, с куда большим удовольствием я провёл бы время с Лией, вот и попытался отказаться:

– Да я не любитель...

– Не имеет значения! Встречаемся в девять у центрального входа городского стадиона. Рассчитывай минимум до двух там пробыть.

У меня вырвался обречённый вздох, и Городец ободряюще улыбнулся.

– Дело не в футболе, Петя. Просто Альберт тебя людям представить хочет. Пора связями не только в студенческой среде обростать.

– Что значит: дело не в футболе? – с возмущением воззрился на товарища институтский консультант. – Запомни, Георгий: футбол – это святое! – Он взглянул на меня и указал на дверь. – Всё, Петя, можешь идти.

Ну, я и пошёл. Ещё во время киносеанса слышал отдалённый рокот, а с крыльца и воочию увидел, как наползает с северо-запада чёрная-пречёрная туча. Ветер резкими порывами гнал

клубы пыли, я глянул на часы и со всех ног припустил к главному корпусу. Когда заскочил под козырёк, на землю упали первые капли дождя, ну а потом и вовсе, как говорится, разверзлись хляби небесные. Ливануло как из ведра, засверкали молнии, зазвенели от раскатов грома стёкла.

Оставалось лишь понадеяться, что грозовой фронт не захватит округу, выбранную Герасимом для обучения пирокинетиков, а то в чистом поле им придётся лихо. Это под крышей хорошо: тепло, светло и мухи не кусают.

Для начала я позвонил в первую лабораторию, и Леопольд сообщил, что решение на мой счёт ещё не принято, собрание по этому вопросу намечено на половину четвёртого.

– Лучше будет, если сам к Вдовцу подойдёшь, – заявил он и повесил трубку.

Я решил так и поступить, а поскольку свободного времени оставалось с избытком, наведялся в столовую и плотно пообедал, потом засел в читальном зале и написал письмо домой, не забыв похвастаться повышением. Для отправки послания просто спустился на первый этаж, где в одном из служебных помещений после ужесточения пропускного режима обустроили почтовый пункт. Для удобства студентов и выборочной перлюстрации, надо понимать.

Оплатив конверт и марки, я сдал их клерку, а там и время визита в лабораторию подошло. Грозовую тучу уже унесло дальше и на улице едва-едва моросило, поэтому сломя голову нестись по лужам я не стал, двинулся к нужному корпусу без всякой спешки. И не промок особо, и брюки грязной водой не забрызгал.

Секретарша заведующего лабораторией выслушала меня и телефонным аппаратом не воспользовалась, подошла к двери, без стука приоткрыла её и заглянула в кабинет. Легкомысленное платьице было коротким, а ноги длинными и стройными, да и всё остальное тоже не подкачало; я невольно загляделся даже.

– Филипп Гаврилович, к вам Линь, – произнесла девица, выслушала ответ и развернулась ко мне, оставив дверь открытой. – Вас ждут.

Я медлить не стал и обнаружил, что касательно консилиума Леопольд определённо погодрился. Помимо его самого и хозяина кабинета на совещание по моему вопросу пришли только Лизавета Наумовна и Федора Васильевна.

Вот именно мануальный терапевт и проскрипела:

– Явился – не запыхался! – Поджала губы и покачала головой. – Учишь тебя, учишь...

Наверняка собиралась по своему обыкновению и бестолочью поименовать, а то и более крепкого словца не пожалела бы, но при остальных сдержалась. Я воспользовался моментом и сел на свободный стул, устроил на коленях кожаный портфель.

– Посиди пока, – попросил Филипп Гаврилович и постучал карандашом по лежащим перед ним бумагам. – Касательно Ивана Соболя не могу не отметить, что план терапии учитывал все индивидуальные особенности пациента!

Я чуть глаза не закатил. Они ещё и не мой случай обсуждают!

Лизавета Наумовна поджала губы и заявила:

– Спазм энергетических каналов был вызван слишком интенсивным графиком процедур! В моём заключении давалась рекомендация не отклоняться от стандартной программы!

– Руководство поставило задачу уменьшить сроки развития операторов шестого витка! – отрезал заведующий лабораторией. – Позволю себе напомнить, что средняя продолжительность лечения за прошлый месяц сократилась на семь процентов, даже с учётом времени восстановления способностей Соболя! Всё, переходим к следующему вопросу! Что имеете сказать касательно случая Петра Линя?

Леопольд немедленно заявил:

– Настаиваю на том, что проблема срыва не в плохом самоконтроле. Ошибкой было подстёгивать процесс развития способностей за счёт сильнодействующих препаратов! В подобных

случаях применение экспериментальных культур микроорганизмов показывает несравненно более стабильные результаты по сравнению с традиционной фармакологией.

– Давно ли та фармакология стала традиционной? – мягко улыбнулась Лизавета Наумовна.

А заведующий лабораторией высказался и того резче:

– При всём моём уважении, Леопольд Борисович, данная проблема лежит вне ваших разработок в микробиологии. К тому же доцент Звонарь настоятельно рекомендовал добиться результата, не усложняя и без того запутанную клиническую картину введением в уравнение дополнительных переменных.

Леопольд экспрессивно закатил глаза, а я не на шутку удивился тому обстоятельству, что к нему обратились по имени-отчеству, да ещё и упомянули какие-то там разработки. Сам-то считал его простым лаборантом; когда мы пару раз пили в буфете пиво, то о всякой ерунде болтали, не о научных исследованиях.

– Вероятней всего, корень проблемы лежит в нестандартной конфигурации входящего энергетического канала, – предположила Лизавета Наумовна. – Допускаю, что имеет место ограничение его пропускной способности.

– Не вижу смысла гадать на кофейной гуще! – явно в пику ей высказалась Федора Васильевна. – Предлагаю до конца дня оценить состояние пациента, а завтра провести повторную попытку с задействованием стандартных мер контроля. – Она поднялась на ноги и строго произнесла: – Пётр, чтобы на вечернем занятии был как штык!

Сухо попрощавшись с присутствующими, суровая тётка покинула кабинет. Леопольд тоже задерживаться не стал.

– Я включу в протокол собрания своё несогласие с принятым решением, – предупредил он заведующего лабораторией, прежде чем последовать за мануальным терапевтом.

Лизавета Наумовна задумчиво поглядела на меня и произнесла:

– Нельзя исключить сбой настройки на Эпицентр.

– Есть простой способ это проверить, – улыбнулся Филипп Гаврилович и обратился ко мне: – Известно ли тебе, Пётр, что спираль в айлийском источнике проложена по часовой стрелке?

Я покачал головой.

– Первый раз слышу.

– Это так, – подтвердил заведующий. – Попробуй мысленно представить, что ты движешься относительно Эпицентра именно так, а не обычным образом.

Представить? И что это даст? Ерунда какая-то!

Но вслух высказывать сомнений в здравости суждений собеседника я не стал, закрыл глаза и выполнил озвученное мысленное упражнение. Реакция воспоследовала незамедлительно: накатила дурнота, едва со стула не сверзился, а совладать с тошнотой и вовсе получилось с превеликим трудом.

– Уф-ф, – выдохнул я, посидел, переводя дух, и лишь после этого поднял упавший с колен портфель. – И что это было?

– Экспресс-тест настройки на Эпицентр, – не слишком-то понятно ответил хозяин кабинета и посмотрел на Лизавету Наумовну. – Ну, убедились? Давайте закругляться, повторную процедуру проведём завтра в три.

Дамочка спорить не стала, поднялась на ноги и спросила у меня:

– Пётр, сможешь пройти диагностику прямо сейчас?

– Конечно!

Я вскочил со стула, и тут же зашумело в голове, пришлось упереться рукой в стену. Но устоял, не упал и даже снисходительную улыбку заведующего приметить успел.

Ничего-ничего. Веселитесь-веселитесь. Главное, помогите на пик витка выйти...

В приёмной Лизавета Наумовна смерила пристальным взглядом секретаршу, и я воспользовался моментом, предупредительно открыл перед ней дверь. Мы спустились на первый этаж и двинулись к больничному комплексу. Небо прояснилось, вновь жарило солнце, было тепло и влажно, как в бане, от земли поднимался пар.

Лизавета Наумовна шла, о чём-то напряжённо размышляя, и отвлечь её от раздумий банальным вопросом о делах я бы точно постеснялся, но очень уж любопытно было прояснить момент с потерей способностей в случае неудачной подстройки на другой источник сверхэнергии, вот и завёл разговор на эту тему.

– Ой, Петя, брось! – взмолилась дамочка. – Тебе до подстройки на другой источник как до луны!

Я на это высказывание не обиделся, поскольку всё так и было, и пояснил причину своего интереса:

– Мне для общего развития.

– Да, такое возможно, – подтвердила Лизавета Наумовна. – Случаются всякого рода осложнения, но это просчитанный риск.

– И каков он для айлийского источника? Это ведь не секретная информация?

Собеседница смерила меня пристальным взглядом умных серых глаз и подтвердила:

– Не секретная. – Потом добавила: – Предельная доля нештатных ситуаций при переключении на айлийский источник утверждена в размере десяти процентов.

От удивления я даже присвистнул.

– Вот так и подумаешь ещё, надо ли оно вообще!

Лизавета Наумовна улыбнулась.

– Полная потеря способностей – это крайний, чрезвычайно редкий вариант. И чем опытней ассистент, тем меньше вероятность развития побочных эффектов. У Филиппа этот показатель не превышал шести процентов.

– Почему же тогда его отозвали? – поинтересовался я. – Какой в этом смысл?

– Я свечку не держала, но полагаю, всё дело в подковёрных интригах. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, у Филиппа тоже случались неудачи, а каждый из откомандированных в Айлу операторов имеет высокопоставленных покровителей.

Я не удержался от тяжёлого вздоха, и Лизавета Наумовна рассмеялась.

– Таковы правила игры. За тебя, к примеру, может попросить Звонарь, и будь уверен: его крайне раздражает, если с протекже случится такого рода неприятность. А раздрадованный чем-либо Макар Демидович, уж поверь на слово, становится совершенно невыносим.

– А этот Соболь? Он полностью способности утратил?

Лизавета Наумовна покачала головой.

– Нет, просто надорвался. Восстановится через месяц, если режим нарушать не станет. Такое случается.

За разговором мы дошли до больницы и поднялись на этаж. У кабинета дожидался своей очереди десяток студентов, но занята оказалась лишь аппаратная, процедурная пустовала.

– Проходи, раздевайся до пояса и обнуляй потенциал, – распорядилась Лизавета Наумовна, а сама ушла в каморку с умывальником.

Я повесил пиджак на плечики, расстегнул и снял сорочку. На длинном вдохе обратился к сверхэнергии, привычным уже образом до предела её уплотнил и принялся ускоренными темпами пережигать в алхимической печи. Когда в процедурную вошла сменившая ситцевое платье на белый халат Лизавета Наумовна, мой внутренний потенциал недотягивал и до килоджоуля, что доставляло прямо-таки физический дискомфорт.

– Расстегни ремень и немного приспусти брюки, – попросила врач. – Да, так достаточно. Начинай тянуть энергию, но в резонанс не входи.

С блаженным вздохом я начал набирать потенциал, и тогда Лизавета Наумовна прошла своими тонкими пальчиками от моего виска к шее, затем прижала обе ладони и повела ими от ключицы к груди и ниже. По коже побежали мурашки, а уж когда одна из рук миновала живот и скользнула к паховой складке, меня и вовсе будто разряд электричества прошёл. Нестерпимо захотелось накрыть женскую ладонь своей и сдвинуть ниже, взгляд сам собой скользнул по стройной фигуре Лизаветы Наумовны, и та даже шикнула:

– Петя, угомонись!

Но совладать с возбуждением оказалось не так-то и просто. Начал думать о Лии, только всё без толку.

Ну вот как так? Я ведь её люблю! А на деле меня сейчас даже соблазнять нет нужды, сам из последних сил сдерживаюсь.

Это ведь неправильно! Или у нас в самом деле не любовь, просто хорошо вместе, а я вбил себе в голову невесть что?

Проклятье!

Ладно хоть вскоре внутренний потенциал превысил три мегаджоуля, и стало не до самокопания, вождение тоже отступило на второй план. С каждой секундой приходилось прилагать всё больше и больше усилий, дабы удерживать под контролем эдакую прорву энергии. Обычно с подобными объёмами работал только на занятиях йогой, а тут и условия совсем не те, и внешнее воздействие из равновесия выбивало.

Лизавета Наумовна не просто изучала мой входящий канал, но ещё каким-то образом заставляла вибрировать его почище гитарной струны. Едва-едва удавалось справляться с этими колебаниями и не позволять им распространиться дальше и взбудоражить внутренний потенциал.

Ко всему прочему, чем дальше, тем сложнее становилось равномерно распределять энергию по организму, накапливалось всё больше неправильностей, которые пока что, подобно камешкам в ботинках, просто мешали сосредоточиться, но со временем грозили стать реальными проблемами.

– Продолжай! – распорядилась Лизавета Наумовна. – Не останавливайся!

Некстати вспомнилось, что слышал эти слова при совсем других обстоятельствах и не в форме приказа, а в виде просьбы, но игривое настроение уже давно оставило меня, начало казаться, будто тащу на закорках мешок в полцентнера весом и не просто тащу, а на марш-броске в два десятка километров. Весь потом покрылся.

Наконец Лизавета Наумовна отстранилась, а когда я успокоил дыхание и привёл внутренний потенциал к допустимому пределу, спросила:

– Ты разве со старой каргой это упражнение не отработываешь?

Я сообразил, что речь о Федоре Васильевне, и кивнул.

– Отработываю. Вхожу в резонанс и пытаюсь удерживать в себе энергию.

Лизавета Наумовна покачала головой.

– Не зацкливайся на резонансе. Тренируйся набирать потенциал обычным образом. Это крайне важный навык, особенно для тебя.

– Хорошо. Буду.

– В остальном всё очень даже неплохо. Лучше, чем стоило ожидать. Занятия йогой определённо пошли тебе на пользу. Только устрой уже свою личную жизнь! Ну в самом деле!

Я хоть и смутился, но за словом в карман не полез:

– Всё у меня в порядке с личной жизнью. Это просто вы так действуете.

– Лысец! – рассмеялась Лизавета Наумовна.

Ничего не оставалось, кроме как перевести разговор на другую тему.

– Так понимаю, вы с Федорой Васильевной не ладите?

– С Бедой никто не ладит. Руки у неё золотые, а вот характер поганый. Вечно на всех свысока смотрит, а у самой единственное достижение – из первого женского выпуска. Кто из её товаров в институте остался, давно диссертацию защитил, а у неё и личная жизнь не сложилась, и в науке полный ноль, вот и бесится. Не приведи господь в старости такой стать...

Покинул я процедурную изрядно взбудораженным, скомканно попрощался с Лизаветой и спустился в фойе больницы, чтобы первым делом купить там стакан газированной воды с малиновым сиропом и в один присест его осушить. Тогда только начало отпускать.

Взглянув на часы, обнаружил, что до тренировки по рукопашному бою остаётся ещё полчаса, вот и взял в газетном киоске свежий номер «Февральского марша» с броским заголовком: «Спасение или разорение?», сел на лавочку, полистал газету.

Речь в передовице шла о финансировании правительством военных расходов и строительстве новых оружейных фабрик за счёт кредитов, привлекаемых за границей под немилосердный процент. Журналист рассуждал о целесообразности таких трат и сомневался в том, что они вызваны исключительно оборонными нуждами; высказывалось предположение о попытках правящей коалиции рассчитаться с промышленниками по своим предвыборным обещаниям, в том числе и кулуарным.

А как по мне – не важно, зачем и почему, если кредиты не разворуют, а в дело пустят.

В итоге я взял ещё один стакан газировки, потом только двинулся к спортивному комплексу. Александр Малыш так и продолжал вести курсы рукопашного боя для актива военной кафедры, мы с Максом Бондарем обычно выступали его ассистентами, при этом и сами с завидной регулярностью огребали от наставника, да и друг из друга пыль выбивали при каждом удобном случае.

В раздевалке застал Карла, успел потрепаться с ним о всякой ерунде, заодно предупредил, что завтра выходим в первую смену. Известие это здоровьяка нисколько не обрадовало.

– Лучше и в самом деле в зенитчики записаться, – проворчал он.

Ну а дальше собралась вся группа, и Александр Малыш отправил нас с Максом тягать штанги и гири, а сам занялся студентами. Некоторое время спустя мы начали ассистировать ему, попутно отрабатывали приёмы и связки ударов, а затем дошло дело и до спарринга, коим обычно и заканчивались тренировки.

Сам Малыш всегда брал на себя роль рефери, судьями же на протяжении последнего месяца неизменно выступали операторы от аналитического дивизиона и профильной кафедры.

– Основным преимуществом задействования сверхспособностей во время рукопашного боя, – пояснил нам в своё время инструктор, – является возможность избежать каких-либо энергетических возмущений. Желаете знать, что это даёт? Во-первых, никто не распознает в вас оператора. Во-вторых, никто не определит ваше местонахождение дистанционно. И самое главное: противник не сможет предугадать ваши действия с помощью ясновидения.

Это был камень в мой огород. Если поначалу я реагировал на выпады Макса едва ли не инстинктивно, то по мере освоения им предложенной наставником техники оказался своего преимущества лишён. Да – сам тоже успел многому научиться, но, когда Бондарь до предела взвинчивал скорость, обычно уступал ему по очкам. Если, конечно, не подлавливал на контратаке, но случалось такое не столь уж и часто.

– Начали! – скомандовал Малыш, и я резко отпрянул в сторону.

Едва уловимым движением Бондарь приблизился и нанёс удар. Выгаданная мной фора позволила уклониться от выпада и ткнуть в ответ левой. Кулак наткнулся на блок, и я откинул себя назад кинетическим импульсом. Сработал не слишком чисто, и один из судей тут же поднял руку, сигнализируя об уловленном выбросе сверхсилы.

Дальше последовал обмен быстрыми ударами, каждый из которых вполне мог расщепить дубовую доску. Цели не достиг ни один, но в результате мне пришлось уйти в глухую оборону.

Макс воодушевился и усилил напор, нарвался на прямой в голову и ответил крюком под рёбра, а дальше оплошал, и я успел перехватить его запястье, коротким доворотом корпуса придал ускорение и швырнул в стену. Бондарь приземлился на ноги и рванул к потолку, уйдя от удара ногой, который я нанёс в усиленном сверхспособностями прыжке.

На этот раз штрафное очко заработал мой визави, но равный счёт продержался недолго. Заскочив на потолок, Макс немедленно контратаковал, я отбил его пинок в голову, и тогда парень попросту рухнул вниз, вцепился в меня и утянул за собой. Падение на маты вышло жёстким, хоть я и откатился в сторону, пару очков в свою пользу мой оппонент всё же записал.

Он вновь ринулся в атаку, тут-то я его и подловил. Наплевав на помехи, сотворил линзу уплотнённого воздуха. Бондарь завяз, потерял скорость и пропустил подножку, ну а дальше я рухнул на него и взял на болевой приём, начал ломать заземление, блокируя сверхспособности.

На сей раз в противостоянии голой мощности и отработанной техники верх взяла последняя; победа в поединке осталась за мной.

– Грязно сработал, – указал мне Малыш. Потом отчитал и Макса: – А ты начал слишком полагаться на сверхспособности. Линь – ладно, а вот от тебя такого не ожидал. Устроили какой-то балет! – Инструктор недобро хрустнул костяшками пальцев, но учить нас уму-разуму не стал и отпустил в раздевалку. – Проваливайте уже, танцоры!

Был он определённо не в самом лучшем расположении духа, так что мы сочли за благо от оправданий воздержаться и отправились в душ.

– Слышал, тебе младшего сержанта присвоили, – заметил вдруг Бондарь. – Поздравляю!

– Спасибо!

– Вот это да! – оживился Карл. – Пьер, и ты молчал? Это дело надо отметить!

– Почему бы и нет? – пожал я плечами. – Макс, ты как?

– Извини, сегодня не могу, – отказался тот и поделился новостью: – Кстати, Малыша тоже повысили. Он старшина теперь.

– Никак заместителем командира учебного взвода поставили? – предположил я.

– Нет уже учебного взвода. Осенний поток выпустили, а нового набора не было, залётчиками едва отделение укомплектовали. Малыша туда командиром поставили. Он осенью сам учиться пойдёт. Институт и корпус курсы повышения квалификации организовали, теперь не только военная кафедра будет кандидат-лейтенантов выпускать.

Карл кивнул.

– Да, слышал что-то такое, – подтвердил он.

Мы наскоро приняли душ и договорились встретиться на веранде «Под пальмой», только не сейчас, а через два часа. Дальше у меня по расписанию была йога, так что я просто натянул обратно чуть влажные от пота трико и майку и перешёл в соседний, куда более просторный зал.

Там то и дело раздавались резкие выкрики и шум падения тел на маты. Несколько десятков студентов в экзотичных восточных одеяниях кланялись друг другу, а потом не слишком умело, зато очень старательно отрабатывали броски. Их товарищи странно вышагивали то на полусогнутых ногах, то боком, плавно водили руками и отрабатывали связки не ударов даже, скорее просто движений. Здесь же прохаживался господин Горицвет, который с недавних пор не только вёл занятия йогой, но и обучал всех желающих ориентальному боевому искусству, именовавшемуся им путём гармонии духа, или же путём прекращения убийства.

– Неправильно отвечать агрессией на агрессию! – вещал Михаил Прокопьевич между делом. – Агрессию противника стоит гасить его же агрессией, а вы при этом должны оставаться в гармонии с окружающим миром и с самим собой! Обращайте силу нападающего против него же!

Внимали ему неопиты едва ли не с открытыми ртами. После недавнего нападения на институт немалая часть студентов разочаровалась в идеях пацифизма, именно они и составили костяк группы, численность которой увеличивалась не по дням, а по часам. Уж не знаю, где

господин Горицвет нахвтался премудростей рукопашного боя, но горазд он был не только болтать языком, мог и на практике доказать собственную состоятельность в качестве наставника.

Уклонения и броски в его исполнении поражали чёткостью и отточенностью, тем более что выходил он победителем из учебных поединков отнюдь не только лишь с одними неумёхами-новичками. Тот же Лев оказался мало что способен противопоставить гуру, поэтому забросил тренировки саватом, переключился на новое направление и так преуспел в нём, что вскоре стал помогать Горицвету натаскивать других студентов. Вторым ассистентом сделался председатель студенческого клуба Яков Беляк, но этот здоровяк пока что компенсировал недостаток техники грубой физической силой.

Шум и крики мне несколько не мешали, я уселся в уголке, закрыл глаза и постарался расслабиться. Пусть техника закрытой руки и позволила избежать синяков и ушибов, пренебрегать восстановлением организма не следовало, вот я и погрузился в лёгкий транс, принялся гнать сверхэнергию волнами и очень быстро покрылся лёгкой испариной. Упражняться после этого не бросил, напротив – стал усложнять воздействие, до предела ускоряя процессы регенерации.

Занятие рукопашным боем подошло к концу, студенты потянулись в раздевалку, им на смену начали подходить те, кто желал обрести просветление путём медитаций. Хватало и тех, кто практиковал оба подхода.

К их числу относился и Лев. На правах помощника он завёл разговор с Михаилом Прокопьевичем, и тот принялся что-то ему разъяснять, отвлёкся лишь, чтобы отвесить ритуальный поклон Федоре Васильевне.

К этому времени собралась и прикладная группа, как именовали нас подопечные Горицвета, эти наставнице вопросами не докучали, у неё всё было по-армейски строго. Расселись и без дополнительных указаний погрузились в транс, добиваясь полнейшей сосредоточенности перед началом отработки индивидуальных упражнений.

Федора Васильевна подошла ко мне и спросила:

– Ну и что у тебя с энергетическими каналами?

– Полный порядок.

– Так я и думала.

Я рассказал о новом способе развития внутреннего потенциала, и на жёстком лице мануального терапевта по бокам ото рта залегли вертикальные морщины-складки. Как видно, симпатии к Лизавете Наумовне она отнюдь не испытывала, но после недолгих раздумий кивнула.

– Да, в твоём случае это не лишено смысла. С этого и начни. – Федора Васильевна кинула косой взгляд на Горицвета и досадливо поморщилась. – Ишь, раздухарился, многостаночник! И в том он эксперт, и в этом! А на деле дилетант дилетантом! И как только могло в голову прийти пахартские медитативные техники с нихонскими боевыми искусствами совместить!

Я никак откликаться на это замечание не стал, но и обратиться к сверхсиле не успел.

– Длинный – друг твой? – спросила вдруг Федора Васильевна.

– Вместе в гимназии учились.

– Они с Мишей – два сапога пара! Оператор несостоявшийся и оператор невозможный. Сосредоточенность как рукой сняло, я поднял взгляд и спросил:

– Почему – невозможный?

– Он где инициацию прошёл?

– На первом румбе первого витка.

Федора Васильевна тяжело вздохнула, будто моей тупости поразились.

– Истинный радиус Эпицентра какой? – поинтересовалась она после этого.

В памяти засело какое-то некруглое число, но вводный курс общей теории сверхэнергии давно выветрился из головы, и я неуверенно произнёс:

– Точно не тринадцать километров, чуть меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.